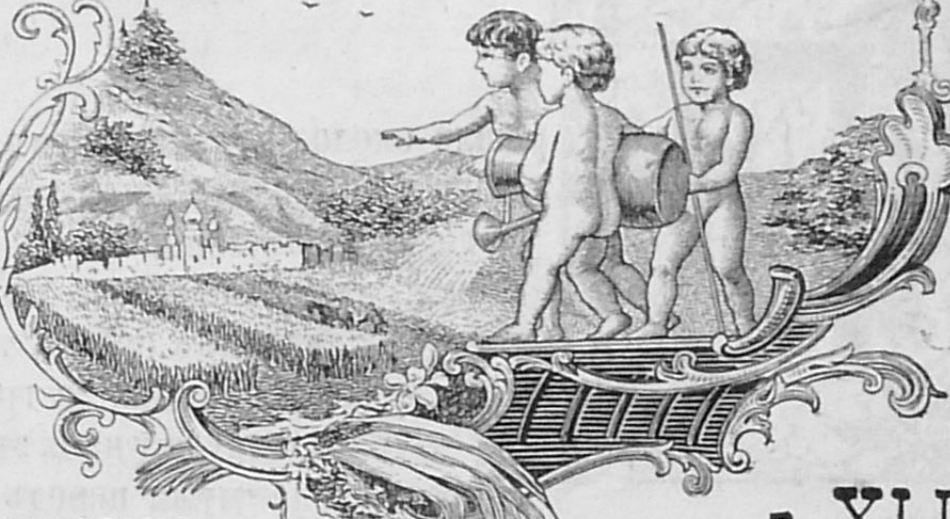

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XLIII г.

№ 6

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ Модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XLIII

1912

Выданъ 11-го февраля 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. А. Фета“ кн. I.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1912 —

М. Панинъ. Выѣздъ Грознаго.

Конкурсная выставка въ Императорской Академіи Художествъ. Присуждено званіе художника.

Золотая паутина.

Повѣсть В. А. Тихонова.

(Окончаніе).

XII.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Дѣти Ефремова оправились настолько, что исхудавшая до неузнаваемости Ольга Федоровна, нуждавшаяся въ полномъ покоѣ и отдыхѣ, забравъ своихъ троихъ дѣвочекъ, уѣхала съ ними за границу.

— Вася, откуда у насъ эти деньги? — спросила она мужа передъ отъѣздомъ,

когда тотъ подаль ей кредитное письмо на три тысячи кронъ.

Ефремовъ слегка вспыхнулъ, замигалъ глазами, но такъ горячо, такъ убѣдительно сталъ доказывать ей, что деньги эти — самыя чистыя, чтобъ она не беспокоилась; что онъ занялъ ихъ подъ прибавку оклада, который онъ получилъ; что ему здѣсь одному за глаза довольно и прежняго жалованья; что онъ даже и еще можетъ ей прислать... И Ольга Федоровна — повѣрила.

Проводивъ жену, онъ сдалъ квартиру, поставилъ свою мебель въ складъ, а самъ остался жить въ „Савойѣ“. Онъ уже привыкъ къ отельной жизни. Только номеръ взялъ побольше да поближе къ номеру Вѣры Андреевны, которая тоже рѣшила остаться въ гостиницѣ по крайней мѣрѣ до весны.

— Пока дѣла не выяснятся, — говорила она.

Отношенія Ефремова къ ней приняли какой-то странный, напряженный характеръ. Онъ былъ влюбленъ въ нее безъ ума, но она словно играла съ нимъ: то приближала его къ себѣ, то отдаляла, не переступая однако той границы, послѣ чего никакія отступленія были бы уже невозможны.

Былъ одинъ моментъ, когда Ефремовъ могъ бы потребовать отъ нея болѣе опредѣленныхъ отношеній. Случилось это какъ разъ на другой день послѣ объясненія Ефремова съ Живицкимъ, когда полковникъ сказалъ ему знаменательную фразу: „первую пѣсенку зардѣвшись спѣть“.

Проводивъ тогда Живицкаго, Ефремовъ началъ, что называется, метаться. Цѣлый день онъ не выходилъ никуда изъ дому; неумытый, почти неодѣтый, бился онъ въ своей клѣткѣ. Онъ чувствовалъ, что страшная паутина начинаетъ оплетать его по рукамъ и ногамъ. Онъ понималъ, что отъ сегодняшняго дня зависитъ вся его будущность. Онъ ничего не имѣлъ противъ полнаго подчиненія Живицкому въ дѣлахъ службы; онъ совершенно искренно тогда говорилъ, что будетъ благодаренъ за его совѣты и будетъ радъ его руководителству; но когда Живицкій такъ откровенно, такъ цинично подчеркнул ему, въ чемъ, собственно говоря, будетъ состоять это руководителство, вся душа Ефремова возмутилась.

Когда онъ пришелъ въ себя отъ ошеломившихъ его словъ, Живицкаго въ комнатѣ уже не было. Первымъ его движеніемъ было написать рѣзкій отказъ. И онъ взялся-было даже за перо. Но рука его такъ дрожала, буквы такъ неестественно прыгали, что онъ, испортивъ три-четыре листка почтовой бумаги, отказался отъ этого намѣренія.

Затѣмъ онъ хотѣлъ-было поговорить по телефону, но Живицкаго не оказалось ни дома, ни въ правленіи, ни въ другихъ двухъ-трехъ мѣстахъ, куда онъ пробовалъ-было звонить. Онъ каждый часъ справлялся, не вернулась ли изъ своей поѣздки баронесса, но ему неизмѣнно отвѣчали:

— Нѣтъ еще!

И это казалось ему самымъ большимъ несчастьемъ, потому что, будь Вѣра здѣсь, она бы все поняла, она бы все выяснила, все бы устроила.

Къ вечеру онъ немного стихъ. И когда рѣшеніе отказаться отъ условій Живицкаго у него вполнѣ созрѣло, наружу стали всплывать другіе вопросы:

„Ну, какъ же теперь съ долгами? Какъ вернуть Глутягину тысячу рублей? Какъ расплатиться съ Живицкимъ? На что жить

дальше? А какъ съ дѣтьми? Съ ихъ поѣздкой за границу мой, какъ я непрактиченъ! Какъ я непрактиченъ! Вѣдь ное же какой-нибудь исходъ есть!.. Но гдѣ онъ? Какое если бы была Вѣра! Она бы сразу указала ему его... и бы ему спасти его честное, незапятнанное имя!.. А онъ не умѣетъ ничего... Не можетъ ничего придумать... Поѣзду Пазухину? Разскать ему все?.. Но этотъ холодный, безсердечный, можетъ-быть, тутъ же и утопить его... Кто? Можетъ-быть, онъ заодно съ Живицкимъ? Недаромъ же они ругаются между собой, какъ сапожники, и продолжаютъ пре- въ наилучшихъ отношеніяхъ... Посовѣтоваться съ Патрик? Но вѣдь это циникъ хуже Живицкаго... Развѣ онъ пойму? Поговорить съ капитаномъ Взлезковымъ? Но что отъ него ожидать кромѣ саркастической улыбки и какого-идіотскаго афоризма? Позвать Потрашина?.. О, этотъ и денегъ, этотъ выручить! Но вѣдь это значитъ попасть въ кабалу къ этому хаму, къ этому кровопійцѣ!

„Ахъ, Вѣра, Вѣра! Если бы она была тутъ! Она бы посовѣтовала и, можетъ-быть, даже... „достала денегъ!..“ — скользнуло у него въ умѣ.“

— Боже мой! — стоналъ онъ. — Самое ужасное, самое унылое горе, это — горе безденежья!.. Оно некрасиво. Оно да- образно. Оно не вызываетъ ни въ комъ искренняго сочувствія. А между тѣмъ, отъ него-то и бываютъ самыя страшныя ствія: умираютъ дѣти, жены бросаютъ мужей... А сколько убійствъ... Господи! Неужели для меня остается одинъ этотъ? Конечно, самый простой, самый легкій... Ну, а семья-то? По міру пойдетъ?..

„Ну, а съ другой стороны: развѣ чистая, честная Люся жить съ опозореннымъ мужемъ? А развѣ дѣти, воспитанные нечистыя деньги, развѣ они не спросятъ когда-нибудь отчета? Или воспитать ихъ такими же безчестными? За ихъ чистыя души? Это моихъ-то крошекъ? Это моихъ-то ловъ? Лучшее, что мнѣ даровано Богомъ?..“

Такъ прошелъ весь день. Наступила ночь.

„Нужно отдохнуть, — сказалъ самъ себѣ Ефремовъ. — завтра быть свѣжимъ, а то въ такомъ состояніи развѣ придумать какой-нибудь исходъ? А вѣдь одними стенаньями и рыданіями не поможешь. Нужно не думать больше объ не думать и уснуть... Нужно думать о чемъ-нибудь совсѣ- гомъ. Ну, хоть мечтать, что ли... Ну, вотъ хоть бы, нап- вдругъ ему дадутъ какую-нибудь прекрасную командир- большими прогнами, подъемными... Въ Туркестанъ, мѣрѣ...“ Его давнишняя мечта — посѣтить этотъ странный экзотическій край.

И, укутавшись въ одѣяло, онъ сталъ себѣ представлять длинный, разнообразный путь: сначала по Волгѣ, потомъ...

„Завтра воскресенье... Все равно денегъ нигдѣ не достать, вдругъ сбивалась его мысль. — А въ понедѣльникъ ну- являться на мѣсто и принимать дѣла...“

И онъ нервно поворачивался на другой бокъ и закурилъ пиросу.

„Да, — говорилъ онъ самому себѣ: — головой я могу чемъ угодно... Но нервы мои, проклятые нервы... Они слушны!.. Они самостоятельны и непрерывно думаютъ горѣ, о моемъ несчастьѣ. И я не могу запретить имъ это мучать меня...“

„Да, можетъ-быть, и горе вовсе не такъ велико?.. быть, все это я преувеличиваю?.. — начинаетъ онъ опять головой, завертываясь въ одѣяло. — Можетъ-быть, исхо- вотъ совсѣмъ тутъ близко, подъ рукой... Приѣдетъ завтра Скажетъ какихъ-нибудь два-три слова — и все будетъ просто...“

„А откуда же я возьму денегъ для Глутягина? Глутягина сича... Да тысяча рублей поѣздка дѣтей за границу... Да кому рублей шестьсотъ долженъ... А наличными у меня и шестьсотъ рублей... Да вѣдь еще жить надо... А у меня

брано... И, значитъ, позоръ и безчестіе... А впереди, можетъ-быть, скамья подсудимыхъ...“—терзаютъ его опять черезчуръ заботливые нервы.

Онъ вскакиваетъ, зажигаетъ свѣчку, смотритъ на часы: четверть третьяго. На пепельницѣ цѣлый ворохъ окурковъ..

„Господи! Изъ-за какихъ пустяковъ можно съ ума сойти!.. Попасть подъ судъ... Застрѣлиться... Изъ-за какихъ-нибудь тысячъ рублей!..“

И онъ плачетъ, какъ ребенокъ.

Заснулъ онъ тревожнымъ, прерывистымъ сномъ только подъ утро. А въ десять часовъ былъ уже на ногахъ.

— Пріѣхала баронесса? — спросилъ онъ вошедшаго лакея.

— Никакъ нѣтъ еще.

Онъ умылся, напился кофе и вышелъ на улицу. Подмороживало. Пѣшкомъ пошелъ онъ навѣстить свою старшую дочку Таню, которую не видалъ уже болѣе двухъ сутокъ. По дорогѣ онъ рѣшилъ купить ей конфетъ и игрушку. Но по случаю воскресенья магазины были все закрыты. Пришелъ къ ней съ пустыми руками и попалъ прямо къ скромному завтраку супруговъ Полевиныхъ.

Его встрѣтили очень радушно и пригласили откусать „что Богъ послалъ“. Таня страшно ему обрадовалась, влѣзла на колѣни да такъ и не сходила все время, перебирая своими пальчиками и трепля жиденькую бородку отца. Спрашивала: скоро ли она увидитъ маму и сестренку?

— Скоро, скоро, голубонька моя! Теперь ужъ скоро! — успокаивалъ онъ ее. — И поѣдете вы за границу, въ свѣтлый и теплый край...

— И ты съ нами, папа?

— Можетъ-быть, и я съ вами, — горько усмѣхаясь, говорилъ онъ.

Полевины замѣтили, что Ефремовъ чѣмъ-то очень разстроены, и относились къ нему какъ-то особенно бережно.

За завтракомъ онъ почти ничего не ѣлъ, даже отъ водки отказался, а только жадно выпилъ два стакана холодного пива.

Отъ Полевиныхъ онъ прошелся по главной улицѣ. Былъ уже первый часъ, когда онъ возвратился къ себѣ въ гостиницу.

— Вернулась баронесса? — спросилъ онъ швейцара.

— Вернулись, — отвѣтилъ ему тотъ и, видя, что Ефремовъ бросился-было вверхъ по лѣстницѣ, остановилъ его: — но онъ уже опять уѣхали!

— Какъ уѣхали?

— Такъ-съ. Едва переодѣлись и сейчасъ же уѣхали къ господамъ Живицкимъ завтракать! И вамъ просили передать, чтобы вы тоже туда пріѣзжали.

Ефремовъ замеръ на мѣстѣ. Ѣхать теперь къ Живицкимъ онъ не могъ. Ни видѣться ни даже говорить по телефону онъ чувствовалъ себя не въ силахъ, пока *все это* не выяснится, пока онъ не переговоритъ съ Вѣрой.

— Пожалуйста, позвоните къ Живицкимъ и вызовите къ телефону баронессу, — сказалъ онъ швейцару. — То-есть Вѣру Андреевну Лихтенбергъ, — поправился онъ.

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ швейцаръ и скрылся въ телефонной будкѣ.

А черезъ минуту открылъ дверцу и, передавая Ефремову трубку, сказалъ:

— Пожалуйста, онъ у телефона.

— Алло!

— Алло! Это вы, Вѣра Андреевна?

— Я. Отчего же вы не ѣдете сюда завтракать? Мы васъ ждемъ!

— Сейчасъ я никакъ не могу! Никакъ! То-есть отлучиться изъ дому не могу. Пока не повидаюсь съ вами. Но мнѣ очень, очень нужно съ вами поговорить. Вы скоро вернетесь домой? Что? Да! Пожалуйста!

— Хорошо. Половина третьяго я буду дома, — послѣ довольно большой паузы отвѣтила Вѣра Андреевна.

Ефремовъ повѣсилъ трубку и пошелъ къ себѣ въ номеръ. Тамъ онъ легъ на кровать и сталъ обдумывать, что онъ скажетъ Вѣрѣ, и вдругъ, совершенно незамѣтно для себя, уснулъ...

Его разбудилъ легкій стукъ въ дверь.

— Войдите! — крикнулъ онъ, быстро вскакивая съ постели.

Вошелъ лакей.

— Баронесса вернулись и просятъ васъ къ себѣ, — доложилъ онъ.

XIII.

Когда онъ вошелъ въ комнату къ Вѣрѣ, та стояла веселая, улыбающаяся, съ протянутыми впередъ руками.

— Боже мой! Какой у васъ видъ! Краше въ гробъ кладутъ! Что съ вами? — проговорила она.

— Я боленъ... То-есть нѣтъ, нѣтъ, не боленъ... Я измучился... Я истерзался весь... Я ждалъ васъ, — порывисто заговорилъ Ефремовъ, и въ голосъ его прозвучало что-то въ родѣ упрека.

— Что? Что такое?

Лицо Вѣры сдѣлалось серьезно:

— Вы что-то бредите? Садитесь и говорите.

— Гдѣ вы были? — робко спросилъ Ефремовъ.

— Это васъ не касается, — холодно отвѣтила Вѣра.

— Не касается... Да поймите же, вѣдь я люблю васъ... безумно люблю... и двое сутокъ я не зналъ: гдѣ вы? съ кѣмъ?

— Слушайте! Если это — сцена ревности, то прекратите ее! Помните, между нами было условлено — идти рядомъ, отнюдь не пересѣкая другъ другу дорогу. Я не спрашиваю, что вы дѣлали здѣсь безъ меня; не спрашивайте и меня, что я дѣлала безъ васъ.

— Ахъ, я надѣлалъ ужасныя вещи! Я вамъ все расскажу!

И онъ, сбиваясь, путаясь, повторяясь, сталъ рассказывать все происшедшее съ нимъ, все, вплоть до послѣдняго разговора съ Живицкимъ, все, до мельчайшей мысли, терзавшей его этой ночью.

Когда онъ кончилъ, Вѣра тихо и ласково улыбнулась, потомъ нагнула къ себѣ его голову и нѣжно поцѣловала въ лобъ. Ефремовъ задрожалъ весь — не то отъ радости, не то отъ испуга. Это былъ первый ея поцѣлуй.

Онъ порывисто схватилъ ея руки, хотѣлъ-было прижать ихъ къ своимъ губамъ, но она отстранила его и какъ-то значительно сказала:

— Послѣ. А теперь сядьте и слушайте.

— Вы хороший и честный человекъ, — начала она, вставъ съ мѣста и принимаясь ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. — Но вы слишкомъ экзальтированы и, кромѣ того, не приспособлены къ жизни. Зачѣмъ вы пошли въ это вѣдомство? Вы сдѣлали страшную ошибку. Здѣсь нужны совсѣмъ не такіе люди. Здѣсь нужны люди дѣла и характера. Дѣло дѣлать вы, конечно, можете, но характера у васъ — нѣтъ. Вы думаете, можетъ-быть, что на этомъ мѣстѣ нельзя оставаться честнымъ человекомъ? Вы ошибаетесь. Можно. Очень можно. И многіе остаются. Только вы не такъ начали. И теперь невольно запутались въ паутину. Теперь выпутаться изъ нея уже не легко... т.-е., конечно, можно... т.-е. перевестись обратно куда-нибудь въ глушь, въ строевую часть и замариновать себя тамъ надолго... можетъ-быть, навсегда. Надѣланные вами здѣсь долги уплатить тоже можно, собравъ ихъ въ однѣ руки, и потомъ выплачивать изъ своего скромнаго оберъ-офицерскаго жалованья въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, потому что сумма, которая здѣсь кажется ничтожной, тамъ, въ какихъ-нибудь Великихъ-Лукахъ, — цѣлый капиталъ... Конечно, нечего и думать отпралять дѣтей за границу!.. Вотъ вамъ одинъ исходъ.

— Что же дѣлать, если нѣтъ другого? — вздохнулъ Ефремовъ, уже ясно представляя себѣ полунищенское существованіе съ семьей въ какомъ-нибудь маленькомъ уѣздномъ городишкѣ.

— А можетъ-быть, есть? — улыбнулась Вѣра.

Ефремовъ вскинулъ на нее глаза.

— Живицкій вѣдь правду говорилъ, что онъ не долго останется на своемъ мѣстѣ. Черезъ годъ, черезъ полтора вы будете совершенно самостоятельны и то, что нагрѣшите теперь, исправите дальнѣйшей вашей службой. Я буду возлѣ васъ, буду вашимъ ангеломъ-хранителемъ, буду вашимъ добрымъ гениемъ... А со мной — не бойтесь...

Она остановилась передъ нимъ и положила ему обѣ руки на плечи. Ефремовъ снялъ одну изъ нихъ и благоговѣнно приложилъ къ своимъ губамъ. Слеза сорвалась съ его щеки и капнула на тонкіе пальцы Вѣры.

— Онъ плачетъ, — тихо и ласково проговорила она.

— Вѣра! Я не могу жить безъ васъ, — дрогнувшимъ голосомъ шепталъ онъ.

А. Ришмондъ. Сестра Розалія въ народномъ кварталѣ Парижа, послѣ эпидеміи 1832 г.

Н. Сикарь. Вечеръ получки.

— Не можетъ жить? А самъ хочетъ уѣхать въ Великіе-Луки...

— Да развѣ я хочу? Развѣ я могу? Но что же мнѣ дѣлать? Что же мнѣ дѣлать?

— Слушаться во всемъ меня.

И она опять нагнулась и поцѣловала его въ лобъ.

Онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы обнять ее, но Вѣра ловко ускользнула, шепнувъ:

— Нельзя. Не надо. Послѣ.

Это былъ именно тотъ моментъ, который упустилъ Ефремовъ и надѣлъ на себя цѣпи раба, благоговѣющаго передъ своей повелительницей.

Вѣра вздохнула свободно. Дѣло было обдѣлано такъ легко, такъ неожиданно просто, безъ малѣйшей жертвы съ ея стороны.

И колесо закрутилось... Паутина все плотнѣе и плотнѣе опутывала Ефремова.

На другой день Ефремовъ неловко, глядя куда-то въ сторону, намекнулъ вызванному въ правленіе Глутягину, что тотъ „обсчитался“—и Никонъ Павловичъ только за ухомъ у себя почесалъ да вздохнулъ слегка и безропотно добавилъ остальные четыре тысячи.

Три изъ нихъ Ефремовъ свезъ Живицкому. Тотъ крѣпко пожалъ ему руку и какъ ни въ чемъ не бывало сталъ дѣлать ему наставленія и указанія о другихъ предстоящихъ дѣлахъ.

„Первую пѣсенку зардѣвшись спѣть“,—часто повторялъ про себя Ефремовъ, но ему и при второй и при третьей пѣсенкѣ приходилось такъ же мучительно страдать и терзаться.

Но тутъ ему на помощь являлась Вѣра: суммы болѣе или менѣе значительныя поступали черезъ нее, и она ихъ добросовѣстно дѣлила: двѣ трети отдавая своему зятю, Живицкому, а треть—своему другу, Ефремову. Сколько прилипало при этомъ къ ея нѣжнымъ пальчикамъ, никто, конечно, не зналъ.

Суммы помельче ему доставлялись черезъ Потрашина. Вотъ это было самое противное. Правда, Потрашинъ держалъ себя даже болѣе почтительно, чѣмъ прежде, но въ его гадкихъ сѣренькихъ глазкахъ Ефремовъ неизмѣнно читалъ теперь одно и то же выраженіе: „Что же, теперь тебя и уважать можно, — какъ бы говорили глаза Потрашина.—За умъ взялся! Человѣкомъ сталъ!“

Вотъ это-то „уваженіе“ болѣе всего и терзало Ефремова.

Но жизнь текла. Дѣти поправились и уѣхали съ матерью за границу. Прощаніе было нѣжное, трогательное, со слезами. И какой-то червякъ при этомъ сосалъ все сердце Ефремову. Дюся, прощаясь, нѣсколько разъ какъ-то пытливо, вопрошающе посмотрѣла на него своими большими глазами, словно желая спросить его:

— Тотъ ли ты, что былъ прежде?

Но когда Ефремовъ, крестя дѣтей, горько расплакался, она вздохнула свободно. Эти слезы успокоили ее.

„Плачетъ, значитъ—прежній“,—почему-то подумала она и горячо обняла мужа.

Съ ея отъѣздомъ Ефремову стало легче. Все какъ-то въ свою колею вошло. Утромъ онъ бывалъ на службѣ, обѣдалъ у Живицкихъ въ семейномъ кругу или у себя въ отелѣ съ Вѣрой; вечеромъ или театръ, или ресторанъ, или винтъ... а иногда и макао въ клубѣ.

Денегъ уже было много. Въ одномъ изъ банковъ у Ефремова былъ открытъ текущій счетъ.

Подходили рождественскіе праздники. Потрашинъ представилъ ему списочекъ на утверженіе — съ кого сколько праздничныхъ получить. Ефремовъ взглянулъ только мелькомъ и сказалъ:

— Сдѣлай, какъ при полковникѣ было.

— Точно такъ, ваше в-діе, такъ и роспись составлена. Только нѣсколько человѣкъ новыхъ есть, изъ сдатчиковъ которые.

— Ну-у, ты тамъ сообрази ужъ!

— Слушаю, ваше в-діе! — едва скрывая радостную улыбку, отвѣтилъ Потрашинъ, пряча роспись за обшлагъ своей шинели.

XIV.

На праздникахъ какъ-то вечеромъ у Живицкаго играли въ карты на двухъ столахъ. За однимъ изъ нихъ сидѣли Пазухинъ, Вѣра, Патриковъ и капитанъ Взлезковъ. За другимъ — остальные гости.

Ефремовъ опоздалъ и оставался безъ мѣста. Онъ стоялъ за стуломъ Вѣры и смотрѣлъ ей въ карты. Она играла умно и смѣло.

Партнеръ ея, Патриковъ, по обыкновенію, сыпалъ остротами, развлекая этимъ вниманіе другихъ игроковъ, мѣшая сосредоточиться очень осторожному Пазухину и нервируя Взлезкова, бывшаго въ этотъ вечеръ въ какомъ-то странно-возбужденномъ состояніи: онъ сплошь да рядомъ дѣлалъ ошибки, сбрасывалъ не ту масть, путался въ записяхъ и этимъ не на шутку сердилъ своего партнера, полковника Пазухина.

— Такъ, батюшка, играть нельзя,—ворчалъ полковникъ.— Что это такое въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь, это... это... это не...

— ...не приѣмка!—подсказалъ Патриковъ.

Острота оказалась на этотъ разъ неумѣстной. Пазухинъ напустился; Взлезковъ вздрогнулъ.

А Патриковъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сталъ обирать взятки.

— Что жъ, съ міру по ниткѣ, голому веревка,—проговорилъ онъ при этомъ.

И вотъ тутъ произошло что-то очень странное. Капитанъ Взлезковъ сначала сдержанно фыркнулъ. Потомъ фыркнулъ еще разъ; потомъ, закрывъ правой рукой глаза, началъ хохотать все громче, громче, все залихватѣе.

Всѣ бросили игру и уставились на него. А онъ, разсыпавъ карты и покачиваясь на стулѣ, все хохоталъ и хохоталъ.

На другомъ столѣ тоже перестали играть. Живицкій подошелъ къ Взлезкову и испуганно спросилъ:

— Что съ вами?

Взлезковъ отмахнулся лѣвой рукой—правую онъ все время держалъ около глазъ и—бормоча: „съ міру по ниткѣ... съ міру веревка...“—заливался своимъ страшнымъ смѣхомъ.

— Съ нимъ истерика!—проговорила Вѣра.

Всѣ встали со своихъ мѣстъ. Кто-то принесъ воды, но Взлезковъ отталкивалъ стаканъ и все хохоталъ и хохоталъ...

Наконецъ Живицкому удалось поднять его со стула и при помощи Ефремова отвести къ себѣ въ кабинетъ. Тамъ смѣхъ перешелъ въ рыданія. Взлезковъ бился головой объ мягкую спинку дивана, рыдалъ, непрерывно повторяя:

— Съ міру... веревка...

Ему разстегнули сюртукъ. Въ домѣ оказались нашатырный спиртъ и валерьяновыя капли, и минутъ черезъ пятнадцать капитанъ Взлезковъ сталъ успокаиваться.

— Домой... — какимъ-то дѣтскимъ голосомъ, по-дѣтски же всхлипывая, проговорилъ Взлезковъ.

Кто-то изъ сослуживцевъ, бывшихъ тутъ же, вызвался проводить его. На Взлезкова надѣли пальто, застегнули и увезли.

— Послѣднее время пилъ много,—замѣтилъ полковникъ Пазухинъ, возвращаясь опять къ карточному столу.

— Да, не безъ этого,—подтвердилъ Патриковъ, собирая и приводя въ порядокъ карты.

— Говорятъ, у него очень большая семья на рукахъ?—спросила Вѣра.

Ей на это почему-то никто не отвѣтилъ.

Вмѣсто Взлезкова предложили сѣсть Ефремову, и игра началась снова. Когда, въ четыре часа утра, послѣ ужина у Живицкихъ, Ефремовъ возвращался съ Вѣрой въ каретѣ домой, онъ чувствовалъ себя какъ-то особенно угнетеннымъ и подавленнымъ.

Нѣкоторое время они ѣхали молча. Потомъ Ефремовъ, думая о Взлезковѣ, вдругъ сказалъ:

— Вотъ и со мной когда-нибудь такъ же будетъ.

— Не говорите глупостей,—строго проговорила Вѣра, понывъ его намекъ и зябко кутаясь въ теплое манто.

И опять они замолчали. И молчали до самой гостиницы.

Прощаясь въ коридорѣ, Вѣра сказала Ефремову:

— Ну, выспитесь хорошенько! Завтра на службу идти не надо. А то послѣднее время вы тоже заverteлись совсѣмъ. Да и пить надо поменьше...—добавила она, подходя къ своей двери.

Придя къ себѣ въ комнату, Ефремовъ сбросилъ сюртукъ и подошелъ къ письменному столу. Спать ему не хотѣлось. Онъ досталъ изъ стола полученное сегодня письмо отъ жены и сталъ его перечитывать. Милое, хорошее письмо. И ему неудержимо захотѣлось туда, къ нимъ, въ ихъ уютный курортъ...

„Эхъ, отчего я на праздники не поѣхалъ! И деньги есть, и отпускъ можно было бы выхлопотать... Хотѣ бы денекъ провести съ ними... отдохнуть... очиститься...“

Не поѣхалъ онъ потому, что здѣсь была Вѣра и какимъ-то непреодолимымъ магнитомъ притягивала его къ себѣ.

„Что за женщина!—думалъ онъ.—То добра, какъ ангель, то суха и бездушна. То милая, свѣтская болтунья, то расчетливый и холодный дѣлецъ. То ему кажется, что она любитъ его, то совершенно спокойно бросаетъ для общества этого негодяя Ханшіева, этого грязнаго циника, этого, заѣвшагося деньгами, чело-вѣка. Она требуетъ, чтобы онъ не ревновалъ ея. Но развѣ это возможно? Она еще ни разу какъ слѣдуетъ не поцѣловала его, а между тѣмъ уѣзжаетъ дня на два—на три въ усадьбу Ханшіева и остается тамъ вдвоемъ съ этимъ противнымъ чело-вѣкомъ.“

„Она говоритъ ему, чтобы онъ меньше пилъ... А что ему дѣлать въ эти страшные дни разлуки? И когда ея нѣтъ, онъ идетъ въ Алексѣевскую гостиницу съ тѣмъ же Глутягинымъ и еще въ компаніи двухъ-трехъ сослуживцевъ, и тамъ они устраиваютъ настоящія оргіи... приглашаютъ цыганскій хоръ... катаются на тройкахъ... И все это оплачивается цѣной его чести, а можетъ-быть—и будущности... „Съ міру по ниткѣ—голому веревка“,—вспомнились ему слова Патрикава.“

Ефремовъ всталъ, подошелъ къ шифоньеркѣ. Тамъ, на верхней полкѣ, между флаконами духовъ и одеколона, стояла начатая бутылка коньяку. Возлѣ нея рюмка и коробочка съ мятными лепешками.

Онъ перенесъ все это на письменный столъ и налилъ себѣ первую рюмку...

Было уже шесть часовъ утра, когда онъ, покачиваясь, подошелъ къ своей кровати и уснулъ, забывъ потушить электричество...

На день была назначена большая прогулка на тройкахъ, съ приваломъ въ какомъ-то загородномъ кабачкѣ.

Вѣра была царицей этого пикника...

На слѣдующій день — опять какія-то развлечения. И такъ до конца праздниковъ.

А затѣмъ началась служба. Спросонья, кое-какъ, дѣлалось какое-то большое и серьезное дѣло.

Впрочемъ, вахтеръ Потрашинъ и ему подобные были всегда трезвы. Они-то, собственно, и дѣлали все это дѣло. Ими командовалъ Живицкій, а Ефремовъ, Взлезковъ — онъ, казалось, совершенно оправился послѣ своей истерики—только наблюдали и подписывали.

А по вечерамъ — театръ, клубъ, цыгане...

А ночью—для Ефремова муки ревности, муки неудовлетворенной страсти и коньякъ, коньякъ...

Мясоѣдъ въ этомъ году былъ короткій. Не успѣли опомниться отъ Святокъ, какъ и масленица подкатила. А на третій день ея была назначена грандіозная поѣздка въ имѣнье Ханшіева.

Широко тряхнулъ мошной щедрый амфитріонъ. На вокзалѣ приглашенныхъ ждалъ экстренный поѣздъ изъ двухъ салонъ-вагановъ, и двухчасовой переѣздъ по желѣзной дорогѣ промелькнулъ совсѣмъ незамѣтно. Пили шампанское, пѣли, смѣялись.

Вечеромъ они подѣхали къ полустанку, гдѣ нужно было сходить. Тройки, украшенныя лѣнтами и обвѣшанныя бубенцами, ждали ихъ тамъ и вихремъ пронеслись пять верстъ до усадьбы.

Старинный княжескій домъ весь сіялъ огнями. Въ столовой былъ накрытъ громадный столъ, блиставшій хрусталемъ и серебромъ. Шумной гурьбой ввалились туда гости.

— Блиновъ! Хочу блиновъ!—кричала Вѣра.

Появились блины, запѣнилось шампанское, на хорахъ заигралъ оркестръ.

— Эхъ, Патрикава нѣтъ!—вырвалось у m-me Живицкой.— Вотъ бы посмѣшилъ насъ!

Дѣйствительно, Патрикава не было. Онъ не поѣхалъ, ссылаясь на экстренныя дѣла. На самомъ же дѣлѣ всѣ знали, что между Патрикавымъ и Ханшіевымъ пробѣжала какая-то черная кошка: кто говорилъ, что они не поладили въ денежныхъ расчетахъ; а кто утверждалъ, что тутъ большую роль играетъ ревность, такъ какъ красавица Вѣра вскружила голову и тому и другому. Нѣкоторые утверждали даже, что дѣло доходило чуть не до дуэли.

Но такъ или иначе, а Патрикава на этотъ разъ въ компаніи не было. Не было и капитана Взлезкова.

Но отсутствіе этого послѣдняго не только не вызывало ничего сожалѣнія, но многіе даже радовались этому, потому что за послѣднее время капитанъ Взлезковъ становился все непріятнѣе и

непріятнѣе. Онъ уже не ограничивался одними саркастическими улыбочками да безобидными афоризмами, а началъ дѣлаться придирчивымъ, ввязывался въ споры и говорилъ совершенныя несообразности. И упоминая о немъ, нѣкоторые послѣднее время какъ-то знаменательно показывали на лобъ.

Но отсутствіе теперь этихъ двухъ непремѣнныхъ членовъ сплоченной компаніи не помѣшало общему веселью. Блины были прекрасны, оркестръ очень недуренъ, вина въ изобиліи; среди дамъ, не говоря уже о Вѣрѣ и ея сестрѣ Надеждѣ Андреевнѣ, было нѣсколько хорошенькихъ женщинъ. Красавецъ-адъютантъ былъ остроуменъ не хуже Патрикава; амфитріонъ Ханшіевъ — безгранично радушенъ.

Послѣ блиновъ всѣ отправились кататься съ горъ, освѣщенныхъ сотнями разноцвѣтныхъ фонариковъ. Катанье не обошлось, конечно, безъ разныхъ, болѣе или менѣе веселыхъ и пикантныхъ, сценокъ, а когда всѣ достаточно прозябли и вернулись обратно въ домъ, тамъ ждалъ ихъ горячій пуншъ и глинтвейнъ; оркестръ заигралъ сразу мазурку, и, въ ожиданіи ужина, принялись за танцы.

Было уже около трехъ часовъ ночи, когда снова распахнулись двери столовой, и радушный хозяинъ пригласилъ всѣхъ подкрѣпиться стерляжьей ухой.

Съ шумомъ и веселымъ хохотомъ гости стали занимать свои мѣста.

— Полковнику Пазухину срочная телеграмма,—громко проговорилъ кто-то.

Всѣ обернулись. Офиціантъ на серебряномъ блюдѣ подносилъ полковнику свернутую депешу.

Пазухинъ быстро раскрылъ ее, прочиталъ и испуганно посмотрѣлъ на стоявшаго рядомъ Живицкаго.

— Что? Что такое? — проговорилъ тотъ.

А черезъ минуту всѣ присутствующіе уже знали содержаніе телеграммы: „Въ часъ тридцать минутъ ночи въ помещеніи —скаго клуба, капитанъ Взлезковъ, въ припадкѣ умоизступленія, двумя выстрѣлами изъ револьвера смертельно ранилъ Петра Петровича Патрикава. Раненый, съ слабыми признаками жизни, перевезенъ въ клинику. Капитанъ Взлезковъ арестованъ“.

XV.

— Да вотъ въ этой самой комнатѣ, даже на этомъ самомъ мѣстѣ, — рассказывалъ на другой день старшина Платоновъ окружающимъ его членамъ и гостямъ клуба.—Какъ меня только Богъ спасъ,—право, ужъ не знаю! Стоимъ мы, видите ли, съ Петромъ Петровичемъ и разговариваемъ. Вдругъ входитъ этотъ самый сумасшедшій капитанъ и прямо къ намъ.

„— Господинъ Патрикавъ, говоритъ, потрудитесь взять свои слова обратно.“

А тотъ спрашиваетъ:

„— Какія слова?“

„— А вотъ тѣ самыя, что „съ міру по ниткѣ—голому веревка“. Я, говоритъ, съ ними жить не могу. Они меня и днемъ и ночью мучатъ.“

„— Да какъ же, говоритъ Патрикавъ,—я ихъ возьму обратно, когда...“

„— Ахъ, говоритъ, не желаете?“

„— И желалъ бы, да...“

— И тутъ сейчасъ же—баць! баць!—Оказывается, и револьверъ-то у него въ рукѣ былъ... Петръ Петровичъ послѣ перваго же выстрѣла грохнулся. А второй ужъ онъ въ стѣну... вотъ видите, въ карнизъ...

И всѣ подходили, осматривали карнизъ.

— И вторая-то пуля, — продолжалъ старшина: — прямо у меня подъ ухомъ просвистѣла. Какъ живъ остался!

— Значитъ, Патрикавъ къ нему въ бредъ попалъ! Вотъ и того!...—замѣтилъ какой-то военный врачъ.

— А что онъ живъ еще?

— Кто?

— Да Патрикавъ-то.

— Говорили, что еще живъ, только въ сознаніе не приходитъ.

— Въ голову онъ его, кажется?

— Въ голову.

Подходили новые любопытные, и снова старшина Платоновъ начиналъ рассказывать трагическое происшествіе...

И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ. Было. Музей Императорской Академіи Художествъ.

И. Горюшкинъ-Сорокопудовъ. Зимняя ночь.

Въ городѣ это происшествіе произвело большое впечатлѣніе. Особенно въ томъ вѣдомствѣ, въ которомъ служилъ капитанъ Взлезковъ. Полковникъ Пазухинъ то и дѣло вызывалъ къ себѣ Живицкаго и о чемъ-то съ нимъ совѣщался.

Призывалъ онъ къ себѣ и другихъ офицеровъ, въ томъ числѣ и Ефремова, и былъ крайне пораженъ его страннымъ видомъ.

Ефремовъ за нѣсколько дней исхудалъ, былъ блѣденъ до синева, а глаза у него были воспаленные, красные.

— Что съ вами?—спросилъ его Пазухинъ.

— Да ничего особеннаго. Нездоровится немного,—отвѣчалъ Ефремовъ.

На самомъ же дѣлѣ онъ страдалъ, и страдалъ невыносимо: Вѣра уѣхала изъ города.

На другой же день послѣ катастрофы она быстро собрала всѣ свои вещи, расплатилась въ гостиницѣ и уѣхала. Прощаясь съ Ефремовымъ, она сказала, что ѣдетъ всего на нѣсколько дней въ Ригу, гдѣ у нея дѣло по наслѣдству мужа.

— Зачѣмъ же брать съ собой всѣ вещи и освобождать номеръ?—удивился Ефремовъ.

— А кто знаетъ, можетъ, задержать и на мѣсяць,—какъ-то странно отвѣтила Вѣра.

Но простилась она съ нимъ ласково, почти нѣжно. Поцѣловала его даже въ губы и—что ужъ совсѣмъ удивило Ефремова—даже перекрестила нѣсколько разъ.

— Ну, будьте пайнкой, не унывайте! Ваша Вѣра скоро вернется къ вамъ обратно,—были ея послѣднія слова, когда послѣ второго звонка онъ выходилъ изъ ея вагона.

Кромѣ Ефремова, Вѣру не провожалъ никто, даже Живицкаго съ женой не было. Вѣра сама просила ихъ не пріѣзжать на вокзалъ и никакихъ проводовъ не устраивать:

— Стоитъ ли, когда, можетъ-быть, черезъ недѣлю я буду обратно.

„Ваша Вѣра... Ваша Вѣра! — съ горькой ироніей повторялъ Ефремовъ, глядя вслѣдъ удалявшемуся поѣзду. — Нѣтъ, не моя ты, Вѣра! Не моя! Я-то вотъ твой, а ты-то моей, кажется, никогда и не будешь!..“

Но не столько самый отъѣздъ Вѣры удручалъ Ефремова,—что жъ, въ самомъ дѣлѣ, самое большее черезъ мѣсяць вѣдь вернется,—сколько то, что одновременно съ Вѣрой изъ города исчезъ и Ханшіевъ, и объ этомъ заговорили въ ихъ кружкѣ.

Когда же Ефремовъ спрашивалъ у Живицкаго или у Надежды Андреевны, есть ли отъ Вѣры какія-нибудь извѣстія, и гдѣ она—ему отвѣчали какъ-то неохотно и уклончиво, какъ бы давая понять, что это его, собственно говоря, и не касается.

И Ефремовъ сталъ рѣже бывать у нихъ. Зато его все чаще и чаще можно было видѣть въ Алексѣевской гостиницѣ, въ компаніи двухъ-трехъ сослуживцевъ, но уже безъ Глутягина. Тамъ узналъ онъ, между прочимъ, что Патриковъ, къ всеобщему уди-

вленію, поправляется; поправляется и Взлезковъ. И что того и другого уже допрашивалъ прокуроръ.

А затѣмъ пошли уже какіе-то болѣе тревожные слухи: что на ихъ правленіе обращено особое вниманіе. А затѣмъ случилось то, чего и нужно было ожидать: налетѣла внезапная ревизія...

Черезъ шесть мѣсяцевъ было назначено къ слушанію громкое дѣло о хищеніяхъ и злоупотребленіяхъ въ управленіи.

Въ числѣ подсудимыхъ находились полковникъ Пазухинъ, подполковникъ Живицкій, капитанъ Взлезковъ (впрочемъ, дѣло о немъ было выдѣлено въ виду того, что эксперты-психіатры дали заключеніе о его болѣзненномъ состояніи), штабсъ-капитанъ Ефремовъ и другіе.

Дѣло было интересное. Однихъ свидѣтелей было вызвано болѣе двухсотъ человекъ. Между ними фигурировали и коммерція совѣтникъ Нерсесъ Арутюновичъ Ханшіевъ, и надворный совѣтникъ Петръ Петровичъ Патриковъ (являлся на судъ съ черной повязкой на головѣ), и первый гильдіи купецъ Никонъ Павловичъ Глутягинъ, и содержатель Алексѣевской гостиницы купецъ Аксеновъ, и даже двѣ мѣщанскія дѣвицы—Федосья Пурьрышева и Елена Гладкова.

Въ числѣ неразысканныхъ свидѣтелей значилась, между прочимъ, вдова рижскаго купца Вѣра Андреевна Лихтенбергъ. О ней имѣлась справка: выбыла за границу.

Процессъ тянулся болѣе двухъ недѣль, и на каждомъ засѣданіи, почти всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, на третьей скамейкѣ у окна, можно было видѣть стройную женскую фигуру, одѣтую во все темное, съ густымъ вуалемъ на лицѣ, особенно внимательно слѣдившую за каждымъ словомъ, произносимымъ здѣсь, въ залѣ суда.

Это была жена одного изъ подсудимыхъ,—Ольга Федоровна Ефремова.

Насталъ наконецъ и страшный день произнесенія приговора. Всѣ подсудимые были признаны виновными. Къ особенно строгому наказанію были приговорены: полковникъ Пазухинъ и подполковникъ Живицкій.

Было дано снисхожденіе штабсъ-капитану Ефремову: онъ былъ приговоренъ только къ исключенію изъ воинскаго званія, безъ ограниченія правъ. Но и тутъ было поставлено ходатайствовать о его полномъ помилованіи.

Худой, блѣдный, дрожащій, вышелъ Ефремовъ въ вестибюль суда.

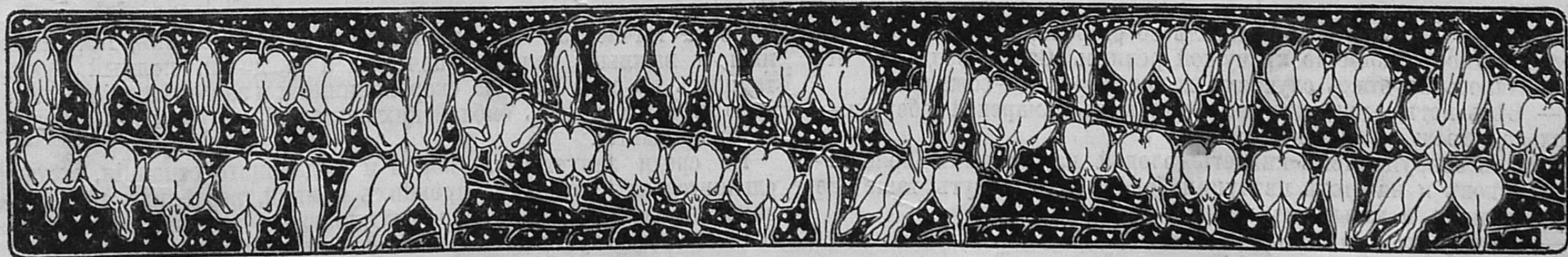
Навстрѣчу въ нему быстрыми шагами шла его жена.

— Вася!—тихо проговорила она.

— Лю... Люсенъка, — началъ-было Ефремовъ, но дальше не могъ.

И они тутъ же, не обращая вниманія на смотрѣвшую на нихъ публику, обнялись и зарыдали оба...

К О Н Е Ц Ъ .

Сумеречные аккорды.

Тоскливо дни мои бѣгутъ
Среди людей, душъ далекихъ,
И только въ грѣзахъ одинокихъ
Я счастливъ нѣсколько минутъ...
Въ минуты тѣ твой образъ милый
Сверкаетъ новой красотой,
И пѣсни, пѣтяя тобой,
Звучать и льются съ новой силой...

Пусть ядъ въ дыханіи цвѣтовъ—
Они милѣ травъ цѣлебныхъ;
Пусть мысли нѣтъ въ наборѣ словъ—
Краса въ мелодіяхъ волшебныхъ;
Пусть сказка—женская любовь,
И скрыта ложь въ любовной ласкѣ,
Но этой лжи, но этой сказкѣ
Готово сердце вѣрить вновь!

Петръ Гольденковъ.

Ф И Н И К И Я.

Изъ книги „Солнце Жизни“ А. М. Федорова.

Темно-красная занавѣска моего каютнаго окна свѣтитъ золотистой рябью, значить—восходитъ солнце.

Я просыпаюсь сразу, какъ бываетъ всегда послѣ крѣпкаго, здороваго сна. Пароходъ, очевидно, стоитъ. вмѣсто глуховатаго, равномернаго стука машины доносятся твердый трескъ лебедки и тотъ безпокойный шумъ, который всегда поднимается на пароходѣ при каждой остановкѣ въ порту.

Мы въ сирійскомъ Триполи. Выхожу на палубу и послѣ полумрака каюты невольно въ первую минуту закрываю глаза отъ этого ослѣпительнаго свѣта, который хлынулъ на меня вмѣстѣ съ запахомъ апельсинныхъ деревьевъ и дикихъ благоухающихъ травъ. За опущенными вѣками я чувствую трепетаніе оранжевыхъ, голубыхъ, серебристыхъ огоньковъ, въ то время, какъ грудь глубоко и страстно вбираетъ въ себя свѣжій весенній утренній воздухъ.

Да, восходитъ солнце. Оно встаетъ изъ-за снѣжныхъ горъ Ливана, которыя кажутся розовыми, какъ-будто такъ же покрыты сплошнымъ цвѣтомъ, какъ эти апельсиновые рощи, гдѣ живыми, веселыми пятнами пестрѣютъ три города, объединенные однимъ именемъ. Легкіе бѣлые минареты, какъ стрѣлки, поднимаются изъ-за полукруглыхъ куполовъ мечети, изогнутыхъ, подобно луку, и синій дымокъ, смѣшиваясь съ парами земли, стелется надъ этой свѣтлой равниной, гдѣ когда-то цвѣла пышная Финикія, лилась кровь мусульманъ и крестоносцевъ, и отъ крови розовѣла рѣка Эль-Кадисъ. Но нынѣшнія апельсиновые рощи не хотятъ знать о далекихъ варварскихъ битвахъ; онѣ такъ наивно-чисты и веселы при восходѣ волнца, и такъ чисты и прекрасны вершины Ливанскихъ горъ, что хочется кого-то благодарить за эту красоту и ясность.

„На восходѣ солнца молятся птицы и цвѣты.
На восходѣ солнца роса поднимается къ небу
На восходѣ солнца.
Вмѣстѣ съ пѣніемъ птицъ, ароматомъ цвѣтовъ
И дыханіемъ росъ
Скорѣе доходить къ Богу молитва
На восходѣ солнца.“

Такъ поетъ арабская пѣсня, и я вижу ея живую иллюстрацію на югѣ: тамъ, на пестромъ коврѣ, стоятъ на колѣняхъ въ одинъ рядъ три мусульманина—багдадскіе купцы.

Матросы, волоча тяжелый канатъ, осторожно обходятъ молящихся, и когда сонный, гунявый, вѣчно почесывавшійся мужикъ-богомалецъ съ глупой улыбкой тычетъ пальцами въ сторону мусульманъ, матросы безцеремонно выталкиваютъ его съ юга.

Это въ первый разъ я замѣтилъ со стороны русскаго мужика неделикатное отношеніе къ чужой религіи. Самое большее, что проявлялось въ этихъ случаяхъ къ иновѣрцамъ—сожалѣніе.

— Вѣдь вотъ,—говорить мнѣ старикъ изъ Самарской губерніи:—сколько народу пропасть должно!

Онъ съ сокрушеніемъ киваетъ головой на черныхъ арабовъ-лодочниковъ и на этотъ цвѣтушій берегъ, гдѣ живутъ такіе же черные люди, и вздыхаетъ на нихъ

— Почему же пропасть?

— А какъ же. Въ нашего Бога не вѣруютъ. Тутъ молись—не молись своему Богу—грѣху не поможешь. Да и слыхано ли дѣло, чтобы такихъ черномордыхъ да въ Царство Небесное пускали. Чистые чиганашки, прости Господи.

Тяжелая барка съ дровами плыветъ мимо черныхъ островковъ на большомъ лѣнивомъ парусѣ. Эти островки, скорѣе отмели, пусты и безплодны. На одномъ изъ нихъ нѣсколько десятковъ лѣтъ росла пальма. Одинокая пальма надъ моремъ. Богъ вѣсть этимъ гольмъ клочкамъ земли, но буря недавно сломала ее, и островки сразу осиротѣли, какъ-будто потеряли послѣднюю надежду на радость жизни.

Мы стоимъ около Триполи недолго и далеко отъ берега. Нечего и думать о томъ, чтобы осмотрѣть Триполи. Меня утѣшаютъ тѣмъ, что я не найду здѣсь ничего такого, чего не встрѣтилъ бы въ другихъ восточныхъ городахъ.

— Прощайте,—слышу я знакомый голосъ.

Арабъ-студентъ протягиваетъ мнѣ руки. Здѣсь его родина. Онъ

проведетъ все лѣто среди близкихъ людей и природы, которая вырастила его, и о которой онъ тосковалъ всю зиму.

Ужъ лодка съ знакомыми арабами приняла его вещи, и черные люди нетерпѣливо кричатъ ему на родномъ языкѣ и машутъ руками. Онъ имъ откликается и черезъ минуту быстро спускается по трапу и машетъ мнѣ фуражкой уже изъ лодки.

Синій дымокъ, лежащій надъ городомъ, таетъ. Выше поднимается солнце, отчетливѣе опредѣляются контуры. Отходитъ пароходъ, и почему-то только въ эту минуту мнѣ бросаются въ глаза громадное старинное зданіе въ среднемъ городѣ и мрачная круглая башня нѣсколько въ сторонѣ отъ него. И то и другое зданіе такъ не похоже на все остальные сооруженія. Сразу видно, что они принадлежатъ другому міру: сильнымъ древнимъ людямъ и вѣкамъ.

Это—старая крѣпость и Башня Львовъ. Но нынѣшніе люди превратили старую крѣпость въ тюрьму, а черныя впадины Башни Львовъ, какъ провалы въ черепѣ, зіяютъ пустотой и мракомъ.

Долго провожаютъ насъ лилово-синія горы, съ ослѣпительно бѣлѣющимъ на солнцѣ снѣгомъ, въ то время, какъ голубой покой и тишина все глубже и глубже втягиваютъ пароходъ въ морскую даль.

Въ трюмѣ паломники сгрудились около чтеца; онъ медленно и монотонно тянетъ евангельскія строки. Воздухъ спертъ и душенъ, сыро и полутемно. А между тѣмъ—какъ шли бы къ этимъ евангельскимъ строкамъ живая, кроткая, безконечная морская синь и этотъ трепещущій отъ солнца воздухъ.

Но вотъ поди жъ ты: какъ только дѣло коснется молитвы или даже просто чтенія Священныхъ книгъ, православные паломники непременно забираются подъ низкіе своды, въ сумракъ, въ берлогу. А мусульмане, наоборотъ, разстилаютъ свои пестрые коврики во время молитвъ на открытой палубѣ, благословляя солнце, напоминающее имъ о свѣтозарномъ Богѣ, подъ яснымъ небомъ благословляющемъ ихъ молитву.

И опять на восходѣ солнца новый городъ: ярко-красочный, солнечный Бейрутъ. Онъ поднимается отъ самаго моря на взгорье въ томъ великолѣпномъ восточномъ безпорядкѣ, отъ котораго весело становится глазамъ и сердцу.

Тепло и сильно среди бѣлыхъ камней смѣются красныя кровли, точно жаровни, полныя раскаленныхъ углей. Шумъ портовой и городской жизни такъ идетъ къ этому городу, точно это голосъ его пестрыхъ, одинъ на другомъ громоздящихся, камней.

Бейрутъ—истинный городъ шумливаго торговаго приморскаго Востока.

Почти тотчасъ за нимъ начинается другой Востокъ, таинственный и важный, величаво-печальный и дикій, полный руинъ, таящихъ въ себѣ вѣчную скорбь нищеты и запустѣнія, отъ котораго вѣетъ холодомъ библейскихъ преданій и ужасомъ тяготящаго проклятія.

Но среди запустѣнія, скорби и рыдающаго отчаянія, которое слышится изъ развалинъ древнихъ камней, все ближе и нѣжнѣе звучитъ имя Христа, точно неумирающей источникъ пробился изъ самыхъ глубинъ нѣдръ этой земли и возвѣстилъ о новой жизни, о спасеніи міра, гнушающагося земной пышности и великолѣпія.

Недаромъ рѣка Нахръ-Эль-Кельбъ отрѣзала когда-то Іерусалимское королевство отъ графства Триполисъ, какъ бы знаменную границу двухъ разныхъ міровъ.

Среди массы неподвижныхъ движущихся судовъ мы медленно, осторожно и удивительно ловко подходимъ почти къ самой набережной. Десять лодокъ съ сумасшедшимъ гамомъ бросаются къ пароходу, и арабы съ разъяренными лицами, толкая и сбивая другъ друга, врываются на пароходъ. Но матросы съ ружьями внушительными криками охлаждаютъ ихъ пылъ, и тѣ, по-звѣринному скаля зубы, ежатся, хищными глазами слѣдя за пассажирами и выискивая жертвъ.

Въ прошломъ году на борту нашего парохода разыгралась цѣлая трагедія: арабы-лодочники бросились на палубу, силой захватывая багажъ пассажировъ вмѣстѣ съ первыми попавшимися дѣтьми, которыхъ они тащили въ лодки, несмотря на ихъ вопли и крики ихъ отцовъ и матерей. Матросы и экипажъ бросились

на помощь; тогда арабы пустили въ ходъ ножи и даже ранили старшаго помощника. Съ другой стороны схватились за револьверныхъ же выстрѣлахъ арабы струсили и, захвативъ своихъ раненыхъ, бросились къ лодкамъ.

— Смотрите, это мстительный народъ,—предупреждали меня, когда я рѣшилъ отправиться въ городъ.

Но путь мой въ лодкѣ до города былъ такъ недалекъ, солнце ни на минуту не задумалось и прыгнулъ въ первую попавшуюся лодку. Конечно, все обошлось какъ нельзя болѣе благополучно. И арабъ-лодочникъ, ссаживая меня у таможи, необычайно прикладывая руку ко лбу и за ту ничтожную мелочь, которую онъ принялъ на свою мозолистую, огромную ладонь.

— Дамаскъ, Дамаскъ,—весело скаля зубы, указывалъ онъ мнѣ на поѣздъ, идущій по самой набережной.

— Ля Дамаскъ,—отвѣтилъ я ему весело, и, насколько понялъ изъ его дальнѣйшихъ дружескихъ указаній на городъ и на лодку, онъ собирался ждать меня вплоть до моего возвращенія.

День оказался праздничный, весь городъ былъ на улицѣ и плѣнялъ тѣмъ лѣнивымъ и красивымъ бездѣйствіемъ, которое на Востоку совсѣмъ не то, что у насъ.

Всѣ лавки были закрыты, и только на базарѣ красовались на виду предметы потребленія, начиная отъ кровавыхъ тушъ мяса и кончая грудями фруктовъ, отъ которыхъ идетъ свѣжее, трезвое благоуханіе.

Арабы въ бѣлыхъ бурнуссахъ и чалмахъ легко и важно проходятъ въ толпѣ, ухитряясь не задѣвать васъ даже въ самой суетою базара. Въ открытыхъ кофейняхъ дымится затѣйливые наргиле, и запахъ дыма смѣшивается съ ароматомъ кофе.

Я иду дальше, туда, гдѣ гремитъ музыка, въ саду, на площади. Но эта музыка хороша только издали, когда она сливается съ праздничнымъ шумомъ и какъ бы пропитывается запахомъ апельсина и розъ; гирлянды свѣшиваются черезъ заборы изъ садовъ, окутывающихъ таинственные восточные дома съ завѣшенными окнами и опущенными жалюзи.

Изъ небольшой церковки съ открытыми дверями, откуда пахнетъ воскомъ и масломъ, выходятъ молящіеся; кармелитки въ бѣлыхъ накрахмаленныхъ чалмахъ и молоденькія дѣвушки въ свѣтлыхъ платьяхъ, точно стая птицъ, вырвавшихся изъ душевной, каменной неволи.

Послѣ унылой и строгой церковной службы на нихъ хлынулъ восточный шумъ, который какъ-будто ведетъ за собою издали ликующая духовная музыка.

И вотъ онѣ остановились и прислушиваются, полураскрывъ рты, розовѣя отъ солнца и воздуха, опьяняющаго, какъ счастье. Въ рукахъ ихъ молитвенники съ золотыми обрѣзами и цвѣты, пахучія вѣтки флеръ-д'оранжа, и, когда дѣвушки тихо расходятся въ разныхъ направленіяхъ, кажется, что онѣ призваны разнести по всему городу свѣтлыя улыбки молодости.

Меня тянетъ наверхъ, на вышину холма, куда ведутъ извилистыя и узкія улицы; отсюда я не только увижу весь городъ, сбѣгающій внизъ, къ морю, но и снѣжныя горы Ливана, очаровавшія меня вчера.

Случайно я попадаю на громадный плацъ, гдѣ стоитъ прекрасный дворецъ, кажется, резиденція паши, а на плацу маршируютъ турецкіе солдатики въ красныхъ фескахъ, пылающихъ на черныхъ головахъ подобно опрокинутымъ цвѣтамъ мака. На минуту весь этотъ парадъ кажется мнѣ представленіемъ марionетокъ, такъ смѣшна и жалка эта механичность тамъ, гдѣ вся жизнь полна достоинства и внутренней свободы и силы, придающей переливную красочность движенію, нестройному и вмѣстѣ съ тѣмъ гармоничному.

Пароходъ, не останавливаясь, слѣдуетъ отъ Бейрута до Кайфы.

Солнце и тишина все время идутъ за нами, но съ жуткимъ чувствомъ смотрю я на берега, гдѣ, подобно грудамъ камней или кучамъ мусора, выступаютъ города:

Сидонъ, Тиръ, Акра.

Имена этихъ трехъ городовъ кажутся мнѣ написанными огнемъ и кровью, какъ роковыя слова: Мани—Факель—Фаресъ.

— Сидонъ!—вслухъ повторяю я нѣсколько разъ это имя.—Сидонъ!—И чувствую, какъ холодъ охватываетъ все мое существо, какъ-будто въ этихъ нѣсколькихъ буквахъ звучитъ эхо погребальнаго звона.

Болѣе чѣмъ за тысячелѣтіе до Рождества Христова здѣсь цвѣла жизнь и красота. Самъ царь Соломонъ настолько былъ плѣненъ этой красотой, что вмѣстѣ съ искуснѣйшими мастерами, работавшими надъ украшеніемъ Соломонова храма, привезъ въ Иерусалимъ для своихъ нечестивыхъ женъ-язычницъ сидонскихъ идоловъ и водрузилъ ихъ на Елеонской горѣ. Финикійскіе цари, ученые, торговцы и поэты прославили этотъ великолѣпный городъ на весь міръ. Но пророчество Іезекииля, даже въ пору расцвѣта Сидона, тяготѣло надъ нимъ предвѣстіемъ Божьяго гнѣва.

„И пошлю на тя смерть, и кровь въ стогнахъ твоихъ будетъ,

и падутъ язвеніе среде тебѣ мечомъ, въ тебе и окрестъ тебе, и увидятъ, яко Азъ Господь“.

Навуходоносоръ разрушилъ его такъ же, какъ и Тиръ. Онъ возникъ и падалъ снова, этотъ Великій городъ, основанный, какъ гласитъ библейское преданіе, первороднымъ сыномъ Ханаана—Сидономъ.

Впослѣдствіи одинъ изъ путешественниковъ, побывавшій въ этихъ мѣстахъ, рассказывалъ мнѣ, что среди развалинъ онъ видѣлъ колонну, на которой было начертано:

«Caesar... Septimus Severus pius... particip... Avg... Anton».

Да, Септимій Северъ такъ же, какъ Навуходоносоръ, прошелъ здѣсь со своимъ побѣдоноснымъ мечомъ. И крестonosцы, и мусульмане, и персы, и Александръ Великій, и множество другихъ завоевателей, составляющихъ цѣлое кровавое созвѣздіе. Но темна слава подвиговъ ихъ, и только одинъ завоеватель свѣтитъ чистымъ и немеркнущимъ свѣтомъ надъ этими руинами:

Христосъ.

Евангеліе кратко упоминаетъ о томъ, что Иисусъ Христосъ удалился въ страны Тирскія и Сидонскія.

Среди яркаго языческаго великолѣпія мнѣ представляется необычайно трогательной фигура Иисуса Христа, поучавшаго народъ. Здѣсь, передъ властью язычества, особенно торжественно и мощно должно было казаться каждое слово Христа. Начались новая исторія, новое отношеніе къ человѣку, вносился новый свѣтъ, освобождавшій ее отъ всякой связи съ установленными формами жизни государственной. Христу не было дѣла до того, правилъ ли Кесарь, или народъ.

Онъ говорилъ не объ освобожденіи отъ земной власти, а о свободѣ души, о слияніи ея съ Богомъ, передъ которымъ и цари и рабы—песчинки на берегу морскомъ.

Но они—дѣти одного Отца и, какъ единое стадо, должны имѣть одного пастыря.

Однако изъ великаго творческаго начала, даннаго Христомъ, люди ухитрились сдѣлать орудіе разрушенія: погибъ Сидонъ; погибъ древній Тиръ, который Іезекииль сравнивалъ съ херувимомъ посреди камней огненныхъ.

„Въ сладости рая Божія былъ еси, всякимъ камнемъ драгимъ украсился еси, сардіемъ, и топазіемъ, и смарагдомъ... и золотомъ наполнилъ еси сокровища твои“...

Если Сидонъ производитъ впечатлѣніе печальное, Тиръ—мрачнѣе кладбища.

„Кто замолкнулъ такъ, какъ Тиръ среди морей!“—воскликаетъ пророкъ.

Молчитъ водяная могила, на днѣ которой покоятся камни Великаго города, подобно Венеціи выходившаго далеко въ море. Одна вершина Санинъ сіяетъ прежней славой надъ этимъ разрушеніемъ, и арабская поэзія вѣнчаетъ его восторженными стихами:

„Санинъ носить зиму на челѣ своемъ, весну—на плечахъ, осень—на лонѣ, а лѣто дремлетъ у подножья его“.

Очнувшійся отъ похмелья миссіонеръ собралъ вокругъ себя на бакѣ толпу и густымъ басомъ читаетъ имъ мрачные пророчества Іезекииля о Сидонѣ и Тирѣ.

За все время пути моего я ни разу не слышалъ ни отъ него ни отъ другихъ начетчиковъ-христіанъ ни одного свѣтлаго слова. Они только и дѣлаютъ, что пугаютъ вѣрующихъ людей жестокостью библейскихъ проклятій, ужасами Страшнаго Суда, мракомъ прошлаго и безнадежностью будущаго.

Даже имя Христа въ ихъ устахъ встаетъ только въ кровавомъ вѣнчѣ страданія на черномъ фонѣ смерти.

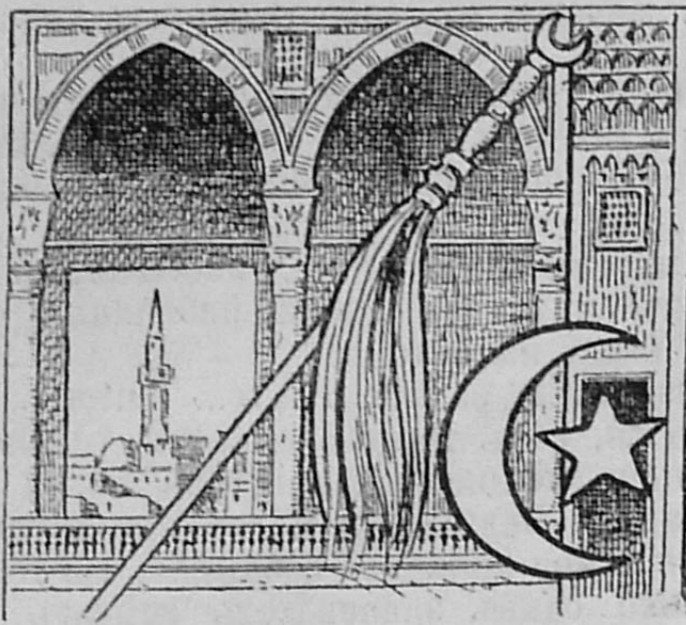
Мы подходимъ къ Кайфѣ, и поразительный по красотѣ закатъ солнца раскрываетъ передъ вами всѣ краски, всѣ лучи угасающаго дня. Солнце заходитъ въ тучу, и сѣрвато-дымная тѣнь ложится на море. Горы здѣсь не такъ высоки, покрыты рѣдкими деревьями; мѣстами растительность ихъ напоминаетъ подѣденный молю бархатъ. Высокія тонкія пальмы выступаютъ надъ самымъ моремъ въ сторонѣ отъ города, какъ-будто совсѣмъ чужія ему, напоминающія объ иномъ мірѣ, съ которымъ самый городъ не имѣетъ ничего общаго.

Даже поверхностнаго взгляда на Кайфу съ моря достаточно, чтобы понять, что тамъ преобладающее населеніе—нѣмцы.

И это не только въ типѣ построекъ и въ строгомъ распланированіи полей, самодовольно зеленѣющихъ хлѣбомъ, не только въ аккуратно подстриженныхъ, жирно сѣрвующихъ маслинахъ, но и въ чемъ-то неуловимомъ, что всюду сопутствуетъ нѣмцамъ: можетъ-быть, это—ихъ педантизмъ.

Надъ всѣмъ городомъ возвышается гора Кармель съ прекраснымъ монастыремъ на вершинѣ ея. Какъ разъ противъ этого монастыря, внизу, изъ моря горбомъ торчитъ большой камень, и неподалеку отъ него подозрительно чернѣетъ вода.

Здѣсь, всего мѣсяцъ передъ нашимъ приходомъ, налетѣлъ на камень большой итальянскій пароходъ, разбился и затонулъ. Капитанъ, по винѣ и небрежности котораго погибло судно, совершенно обезумѣлъ отъ отчаянія, и три дня его не могли оторвать отъ борта, на которомъ онъ рѣшилъ погибнуть. Наконецъ отцы-кармелиты убѣдили его сойти на берегъ, подъ кровлю монастыря, гдѣ уже три дня проживали сто человѣкъ спасенныхъ ими пассажировъ.

Какъ путешествуютъ въ Персіи.

(Съ 10 рис. на стр. 118 и 119).

Страна „Льва и Солнца“ въ настоящее время привлекаетъ къ себѣ у насъ

особенное вниманіе благодаря недавнимъ событіямъ, разыгравшимся въ этой странѣ и повлекшимъ за собой военное вмѣшательство Россіи въ персидскія дѣла.

Далекая Персія внезапно сдѣлалась для насъ вслѣдствіе этихъ событий и пролившейся тамъ русской крови страной близкой и возбуждающей къ себѣ большой интересъ. И быть-можетъ, и нашимъ читателямъ будетъ небезынтересно узнать кое-что объ этой своеобразной и до сихъ поръ еще совершенно дикой странѣ.

Не такъ давно въ Персію былъ отправленъ русскій автомобильный отрядъ. Весьма вѣроятно, что тѣсное общеніе, въ которое мы становимся съ Ираномъ, вызоветъ появленіе тамъ и иныхъ, вольныхъ и невольныхъ, путешественниковъ изъ Россіи. И, конечно, первый вопросъ, которымъ задаются въ такихъ случаяхъ, это слѣдующій: какъ попасть въ Персію и какъ путешествовать по ней?

Вопросъ этотъ далеко не праздный, потому что Персія не Европа и не иная культурная страна съ развитыми и богатыми путями сообщенія, гдѣ стоитъ только упаковать чемоданы и взять желѣзнодорожный билетъ. Въ Персіи прежде всего еще нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, да и простыя дороги оставляютъ желать многого. А что касается самаго попаданія въ Персію, то и это для многихъ русскихъ людей вопросъ очень темный.

Изъ Россіи въ Персію можно проѣхать чрезъ каспійскую гавань Энзели. Оттуда въ послѣднее время установлено срочное почтовое сообщеніе съ Тегераномъ. До Тегерана такимъ образомъ можно добраться сравнительно культурнымъ способомъ и безъ особенныхъ денежныхъ затратъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь ходятъ довольно приличныя почтовые брички. Другое дѣло, если ѣхать изъ Тегерана и Тавриза вглубь страны или же пытаться пробраться въ страну „Льва и Солнца“ съ юга, черезъ Буширъ, со стороны Персидскаго залива. Путешествіе туда сопряжено не только съ крупными затратами, но и съ крайними неудобствами и лишениями. Нечего говорить, что и безопасность такого путешествія весьма сомнительная: персидскія большія дороги нерѣдко посѣщаются разбойниками и разнымъ инымъ темнымъ людомъ, особенно въ нынѣшнее смутное время.

Отправляясь путешествовать вглубь Персіи, слѣдуетъ позабыть о культурѣ и культурныхъ привычкахъ и постараться представить себя челоукомъ иного вѣка, когда люди жили проще. Простота эта однако стѣдуетъ гораздо болѣе денегъ, чѣмъ самая комфортабельная и роскошная ѣзда въ культурной странѣ.

Прежде всего путешественнику необходимо „составить караванъ“. Это значитъ, что ему нужно найти слугу, проводниковъ и—что весьма существенно—повара. Для всей этой компаніи и для самого себя, а также для багажа, неизбѣжно имѣть достаточное число выючныхъ животныхъ—муловъ или ословъ,—самое меньшее 6—10 головъ. Затѣмъ нужно запастись изрядныхъ количествомъ всякихъ съѣстныхъ припасовъ—чая, сахара, сала, консервовъ, риса, вина. Потомъ проводникъ вамъ скажетъ, что не мѣшаетъ взять съ собой въ дорогу углей, дровъ, свѣчей, самоваръ. Иначе говоря, путешественнику приходится брать съ собой нѣкоторымъ образомъ цѣлый желѣзнодорожный буфетъ, чтобы не погибнуть съ голоду и холоду и не быть въ зависимости отъ мѣстныхъ способовъ питанія и вообще существованія. Не мѣшаетъ также запастись, путешествуя по Персіи, и „персидскимъ“ порошкомъ. Онъ въ Персіи умѣстенъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо... Наконецъ путешественнику рекомендуется взять съ собой постель, подушки, коверъ и походные столикъ и стулъ.

Все это въ концѣ концовъ приобрѣтено и упаковано. Съ владельцемъ муловъ заключенъ договоръ найма, съ проводникомъ и прочими служащими, нанятыми вами специально для пути, подписанъ особый контрактъ. Всѣмъ имъ врученъ задатокъ, и въ одинъ прекрасный день вамъ объявляютъ, что вашъ караванъ готовъ, и завтра рано утромъ можно вытупить въ путь.

Раннымъ-рано, часа въ три утра, подъ окномъ начинается перетаскиваемого багажа. Солнце едва поднимается надъ горизонтомъ, но „персидскій экспрессъ“ уже готовъ въ путь. Вы садитесь верхомъ на осла, ваши спутники слѣдуютъ вашему примѣру, остальные ослы навьючены чемоданами и тюками. Солнце весело озаряетъ далекіе холмы. Въ дорогу...

Но не всегда вашъ путь по Персіи бываетъ озаренъ солнцемъ. Путнику приходится приготовиться къ мысли о неизбѣжности дождя, холода, грязи... Все это приходитъ въ свой чередъ, какъ

вслѣдъ за счастьемъ приходитъ несчастье. И путешественникъ долженъ непосредственно познакомиться со всѣми ужасами персидскаго ненастья, когда дороги превращаются въ жидкое болото, холодный ливень съчетъ лицо и не оставляетъ на тѣлѣ сухой нитки, а вѣтеръ пронизываетъ до костей. Иногда выпадаетъ и снѣгъ, и начинается метель, ничѣмъ ни отличающаяся отъ нашей русской пурги. Переносить всѣ эти непріятности вещь далеко не легкая. Тѣмъ болѣе, что въ пути не имѣется достаточно сносныхъ убѣжищъ. И вотъ теперь-то и становится понятно, почему путешественнику настоятельно рекомендуется запастись въ пути не только припасами и утварью, но и слугою и поваромъ.

Дѣло въ томъ, что въ Персіи не имѣется и признака того, что у насъ называется станціями; дорожными убѣжищами въ странѣ „Льва и Солнца“ служатъ такъ называемые караванъ-сарай. Это—настоящія крѣпости, обнесенныя высокими каменными стѣнами, массивныя строенія, напоминающія по своему расположенію наши гостинныя дворы. Но массивность и величественный видъ караванъ-сарая отнюдь не соотвѣтствуютъ его внутреннему устройству. Чрезъ солидныя крѣпостныя ворота путникъ попадаетъ на грязнѣйшій дворъ, до такой степени унавоженный, что въ немъ тонетъ нога. Въ окружающіхъ дворъ стѣнахъ мрачно зияютъ какія-то грязныя дыры. Это—„номера для проѣзжающихъ“. Дверей и оконъ въ нихъ не имѣется. Полъ земляной, неизвѣрно грязный, со слѣдами предыдущихъ жильцовъ. Всѣ эти мрачныя краски необходимо еще сгустить, если вы попадаете въ персидскій караванъ-сарай въ ненастную погоду, когда все въ немъ биткомъ набито проѣзжими—животными и людьми, и когда земляной полъ превращается въ настоящую жидкую грязь. Единственнымъ вашимъ утѣшеніемъ да послужитъ тогда мысль о внушительной внѣшности караванъ-сарая, о его массивныхъ крѣпостныхъ стѣнахъ, которыя охраняютъ васъ отъ дорожныхъ разбойниковъ и грабителей.

Другимъ утѣшеніемъ, не менѣе реальнымъ, является для путника приглашенный имъ дорожный персоналъ—проводники, поваръ, слуга. Если вамъ попались въ лицѣ ихъ артисты и знатоки своего дѣла, то дорожный ночлеги—даже въ караванъ-сарай—не будетъ для васъ однимъ сплошнымъ мученіемъ. Ловкій слуга разстелетъ для своего „саиба“ на грязномъ полу коврикъ, поставитъ дорожную постель, зажжетъ свѣчку, поставитъ и принесетъ кипящій самоваръ. А не менѣе его ловкій поваръ быстро изготовитъ дымящійся шашлыкъ или пловъ и аппетитно разставитъ горячее кушанье и закуски на раскинутомъ дорожномъ столикѣ. И ночлеги въ караванъ-сарай приобрѣтаетъ тогда сносный характеръ. Но горе путнику, которому судьба не послала такихъ дорожныхъ товарищей, умѣющихъ молотить рожь на обухѣ... въ обстановкѣ невѣроятной грязи и полнѣйшей некультурности.

Рано утромъ снова въ путь. Постель свертывается и кладется на сѣдло. Столъ, стулъ, кровать, самоваръ, посуда упаковываются и увязываются на спины выючныхъ животныхъ. И вы опять медленнымъ шагомъ ѣдете все дальше и дальше въ этой чудной и странной и дикой странѣ, прислушиваясь къ бубенцамъ и къ пѣнію неутомимыхъ проводниковъ, которые цѣлые десятки верстъ бѣгутъ рядомъ съ вами, не отставая ни на шагъ отъ муловъ.

Часто попадаются встрѣчные путники.—иногда цѣлое персидское семейство медленно двигается навстрѣчу вамъ, нагруживъ своимъ багажомъ и своими грузными фигурами безотвѣтныхъ, такихъ маленькихъ въ сравненіи съ ними, муловъ и осликовъ. Терпѣливыя животныя смиренно несутъ ихъ на своемъ горбѣ, не унывая даже тогда, когда на хребтахъ у нихъ путешественники воздвигаютъ не простыя сѣдла, но и громоздкіе „каявары“ и „палакины“.

„Палакины“ и „каявары“—единственные дорожные экипажи въ Персіи. Представьте себѣ двѣ корзины, сплетенныя изъ камыша и тонкихъ досокъ. Обѣ корзины перекидываются на спину животного, взаимно уравновѣшивая другъ друга. Въ корзины кладется мягкая рухлядь для сидѣнья, и въ нихъ усаживаются, скрестивъ ноги, пассажиры. Сидѣтъ въ такой корзинкѣ можетъ только персидскій путешественникъ; для европейца и въ особенности для европейской дамы, польстившейся на такое „удобство“, ѣзда въ палакины представляетъ собою настоящую пытку, въ сравненіи съ которой даже самая неудобная ѣзда верхомъ можетъ почесться блаженствомъ.

„Каявары“, въ сущности, тѣ же палакины, но только закрытыя сверху и съ боковъ занавѣсками. По персидскимъ понятіямъ, это уже верхъ удобства. Совершенно непонятно только, какъ могутъ таскать на себѣ ослы и мулы подобныя „двухмѣстные“

каюты"; жалко глядѣть на несчастнаго ослика, смиренно согнувшись подъ тяжестью этихъ корзинокъ, въ которыхъ иной разъ возсѣдаетъ цѣлая семья съ младенцами.

Кромѣ этихъ семейныхъ каравановъ, по дорогѣ то и дѣло встрѣчаются громадныя торговые караваны, о приближеніи которыхъ издали возвѣщаетъ громкое бряцанье „вѣстового“ колокола, привѣшеннаго къ сѣдлу у передняго мула. Этотъ мулъ болтается у него сбоку и оповѣщаетъ весь міръ о шествіи торгующихъ персіанъ. Караванъ иной разъ состоитъ изъ многихъ десятковъ вьючныхъ животныхъ, нагруженныхъ тюками съ хлопкомъ, коврами, опиумомъ, чаемъ. Въ каждомъ такомъ караванѣ шествуютъ и посторонніе путники, пристроившіеся сюда ради болѣе безопасности въ пути. Обыкновенно это—богомольцы, ѣдущіе въ Мекку или возвращающіеся оттуда. И медленно, шагъ за шагомъ, подвигается это шествіе людей и перегруженныхъ животныхъ по пустыннымъ равнинамъ или горнымъ тропинкамъ.

Проходитъ день, проходитъ другой, третій, четвертый дни, а ваше путешествіе все еще только началось. Долго тянется ѣзда по Персіи. Тутъ ужъ нужно позабыть о европейскихъ понятіяхъ о времени,—а всего лучше позабыть и о самомъ времени и приготовиться къ роковой неизбѣжности провести въ путешествіи не одинъ десятокъ дней.

Дорога идетъ то по равнинамъ, то по горнымъ кручамъ. Въ Персіи горы отличаются дикостью и суровостью пейзажа. Пробираясь по нимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—напримѣръ, между Буширомъ и Ширасомъ—не только трудно, но и прямо опасно. Узенькая горная тропинка, на которой далеко не всегда могутъ развѣхаться встрѣчные мулы, проходитъ надъ глубочайшими пропастями и подъ навѣшими громадными скалами. Мгновение—и нагруженный мулъ можетъ сорваться и свалиться въ каменную бездну вмѣстѣ съ сѣдокомъ. Но осторожныя и умныя животныя хорошо знаютъ свое дѣло и не страдаютъ головокруженіемъ. Они даже нарочно лѣпятся по самому краю тропинки, чтобы оставить для себя болѣе свободу движенія при огибаніи загораживающихъ дорогу громадныхъ скалистыхъ массивовъ. Погонщики идутъ рядомъ и подбадриваютъ ихъ своей незатѣливой пѣсней.

Эти люди заслуживаютъ не только удивленія, но и уваженія за свою неутомимость и рѣдкую трудовую энергію. Погонщикъ-персѣ буквально не знаетъ отдыха. Цѣлый день онъ на ногахъ: во время пути онъ идетъ или ѣдетъ рядомъ съ мулами, подго-

няя ихъ, поправляя отвязавшіеся багажъ, подбадривая отсталыхъ. И такъ въ теченіе всего дня. А вечеромъ въ караванъ-сарай онъ долженъ прежде всего позаботиться о мулахъ, о томъ, чтобы развьючить ихъ, дать имъ корму, вычистить ихъ, напоить. Последнее въ особенности нелегко, потому что источникъ иной разъ находится довольно далеко отъ ночлега, и бѣднягъ-погонщику приходится таскать на своихъ плечахъ тяжелые сосуды съ водой и самому временно превращаться въ отягченнаго ношей мула... И только когда мулы напоены, накормлены, вычищены и уложены спать, погонщикъ можетъ наконецъ позаботиться и о собственной персонѣ. Но это обыкновенно бываетъ уже поздно вечеромъ. А утромъ рано, еще до восхода солнца—онъ уже снова на ногахъ. И цѣлыя недѣли такого существованія ему ни почемъ. Трудно достается этимъ людямъ ихъ скудный хлѣбъ, но они привыкли къ такому существованію, бодры, здоровы и даже веселы.

Въ теченіе долгаго, иной разъ мѣсячнаго и болѣе, путешествія путешествующіе свыкаются другъ съ другомъ и представляютъ какъ бы настоящую семью. И когда караванъ пребываетъ наконецъ къ цѣли путешествія, то разлука дорожныхъ товарищей съ ихъ „саибомъ“ бываетъ не лишена нѣкотораго лиризма. Грусть разставанья, правда, нѣсколько смягчается хорошимъ „пешкешемъ“—тѣмъ, что у насъ называется „на водку“. Молодцы-погонщики принимаютъ съ великой благодарностью даже сравнительно скромный пешкешъ и при прощаньи торжественно, съ призываніемъ Аллаха, клянутся, что еще ни разу въ жизни не ѣздили съ такимъ хорошимъ „саибомъ“.

И вотъ вы у цѣли вашего путешествія—въ Тегеранѣ или Тавризѣ, въ одномъ изъ этихъ своеобразныхъ, странныхъ для европейскаго взгляда, городовъ, въ которыхъ все, начиная отъ городской толпы и кончая постройками, поражаетъ вниманіе и нерѣдко возмущаетъ своей несообразностью, беспорядочностью и основательной, непреодолимой восточной грязью.

Если вы хотите еще ближе познакомиться съ страной и побывать въ другихъ городахъ, куда еще не дошли почтовые пути сообщенія, то опять начинается сказка про блага бычка или, точнѣе—про сѣрыхъ муловъ: вы снова нанимаете вьючныхъ животныхъ, подбираете дорожную компанію, составляете караванъ, тратите крупныя деньги... И снова раннія выступленія, утомительная тряска день-денской въ сѣдлѣ, снова грязныя караванъ сараи по вечерамъ и забвеніе времени.

Такъ путешествуютъ въ Персіи.

Культура живыхъ тканей внѣ организма при искусственныхъ условіяхъ.

Очеркъ съ 5 рис. на стр. 117 и 120.

Однимъ изъ наиболѣе интересныхъ и многообѣщающихъ открытій является недавно найденный способъ сохраненія въ живомъ состояніи отдѣленныхъ отъ организма частей. Является общеизвѣстнымъ фактомъ то обстоятельство, что жизнь въ организмѣ поддерживается только въ случаѣ совмѣстной дѣятельности всѣхъ его органовъ, а съ другой стороны—что часть организма, отдѣленная отъ него, лишенная связи съ остальными частями, не способна къ самостоятельной жизни и неизбѣжно умираетъ. Мы не можемъ себѣ представить случая, чтобы отрѣзанная рука или нога человѣка, вынутый глазъ, вырѣзанный внутренній органъ: печень, селезенка и т. д.—могли существовать и жить внѣ того организма, отъ котораго ихъ взяли. Только пылкая фантазія Гоголя заставила маіора Ковалева встрѣтиться съ своимъ собственнымъ носомъ на Невскомъ. Въ дѣйствительности же жизнь каждой части организма, каждой ткани (напримѣръ, мышечной, костной, легочной, нервной и т. д.), каждой клѣточки, т. е. мельчайшей недѣлимой частицы, изъ массы которыхъ состоитъ нашъ организмъ, связана съ жизнью всего организма и находится въ зависимости отъ постоянного притока крови. Вмѣстѣ съ токомъ крови приносятся съ одной стороны питательныя вещества и кислородъ воздуха, а съ другой—уносятся всѣ, уже ненужныя для питанія, вещества и выдѣленія. Если нѣтъ притока питательныхъ веществъ и кислорода, клѣточки организма должны погибнуть. Тотъ же исходъ получается въ случаѣ, если токъ крови не будетъ уносить различныя вещества, выдѣленные клѣточками, такъ какъ, накопляясь, эти вещества дѣйствуютъ отравляющимъ образомъ на клѣточки. Создать условія, при которыхъ клѣточки могли бы существовать, размножаться и проявлять свою жизнеспособность, до послѣдняго времени оставалось неразрѣшимой задачей.

Работы ученыхъ А. Carrel и Т. Виггоу (Нью-Йоркъ) въ Инсти-

тутѣ для медицинскихъ изслѣдованій, основанномъ извѣстнымъ миллионеромъ Рокфеллеромъ, дали разрѣшеніе этому сложному вопросу. Эти ученые нашли способъ сохранять клѣточки, ткани и органы въ ихъ жизнеспособномъ состояніи независимо отъ организма, которому они принадлежатъ.

Другими словами, мы имѣемъ теперь возможность, благодаря этому открытію, наблюдать жизнь любой части организма, отдѣленной отъ него, какъ обычно говорятъ, „in vitro“, т. е. помѣщая ее въ часовомъ стеклышкѣ, на стекляннй пластинкѣ и т. д. Удалось найти тѣ искусственныя условія, при которыхъ возможна самостоятельная жизнь отдѣльныхъ элементовъ организма. Важность открытія заключается въ томъ, что отдѣленные отъ организма части проявляютъ при искусственныхъ условіяхъ такую же жизненную энергію, какъ-будто бы связь съ организмомъ оставалась не нарушенной, такую же жизненную энергію, какъ и въ нормальныхъ условіяхъ. Въ чемъ же проявляется эта жизненная энергія? Какъ извѣстно, два главныхъ момента являются наиболѣе характерными для каждаго организма вообще: питаніе и размноженіе. При новомъ способѣ культивированія тканей оба эти процесса совершаются съ такой же энергіей, какъ и при нормальныхъ условіяхъ. Размноженіе клѣточекъ и будетъ служить при наблюденіи показателемъ того, что наблюдаемая ткань проявляетъ свою жизненную энергію. Между прочимъ, размноженіе клѣточекъ можетъ быть такъ энергично, что уже простымъ глазомъ можетъ быть замѣчено увеличеніе объема взятаго для наблюденія кусочка. Новый способъ наблюденія даетъ возможность изучать клѣточки, ткани и органы въ ихъ нормальной дѣятельности послѣ того, какъ они отдѣлены отъ организма. Это открытіе представляется особенно важнымъ въ виду открывающейся возможности размножать ткани въ лабораторныхъ условіяхъ, внѣ организма. Последнее обстоятельство можетъ имѣть огромное значеніе въ

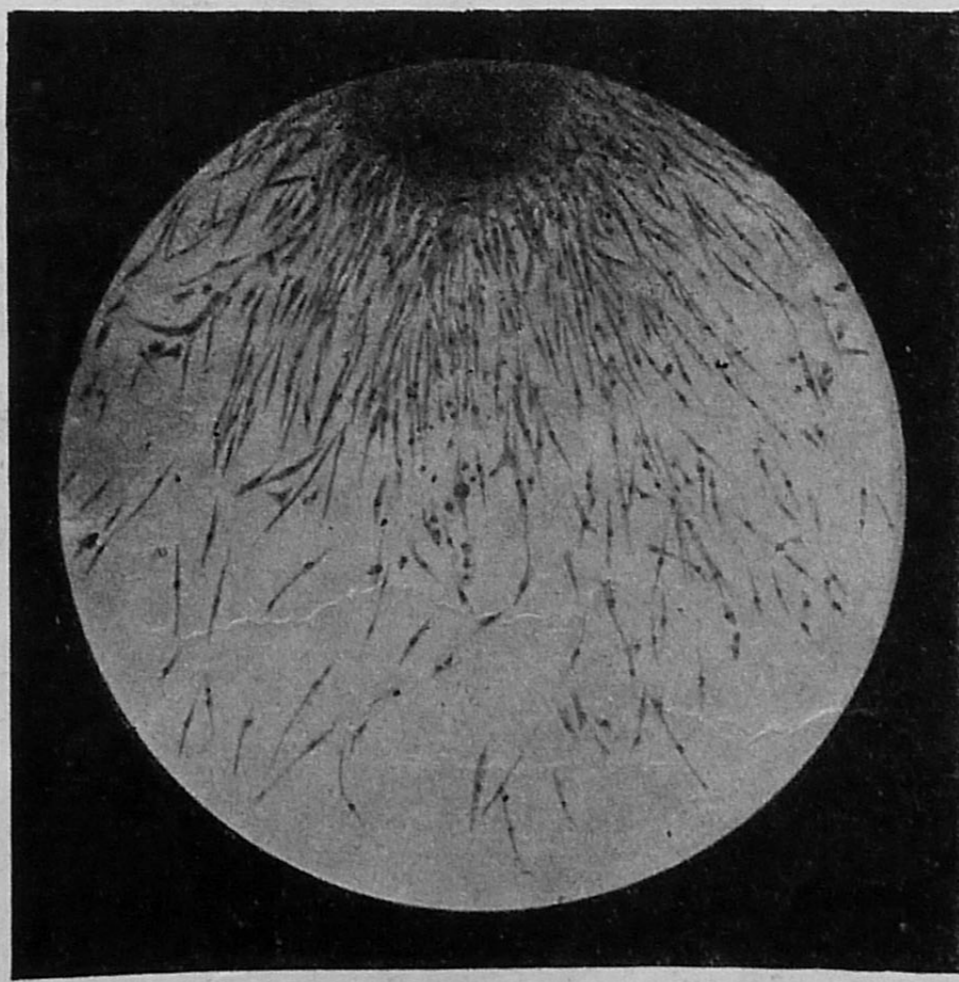
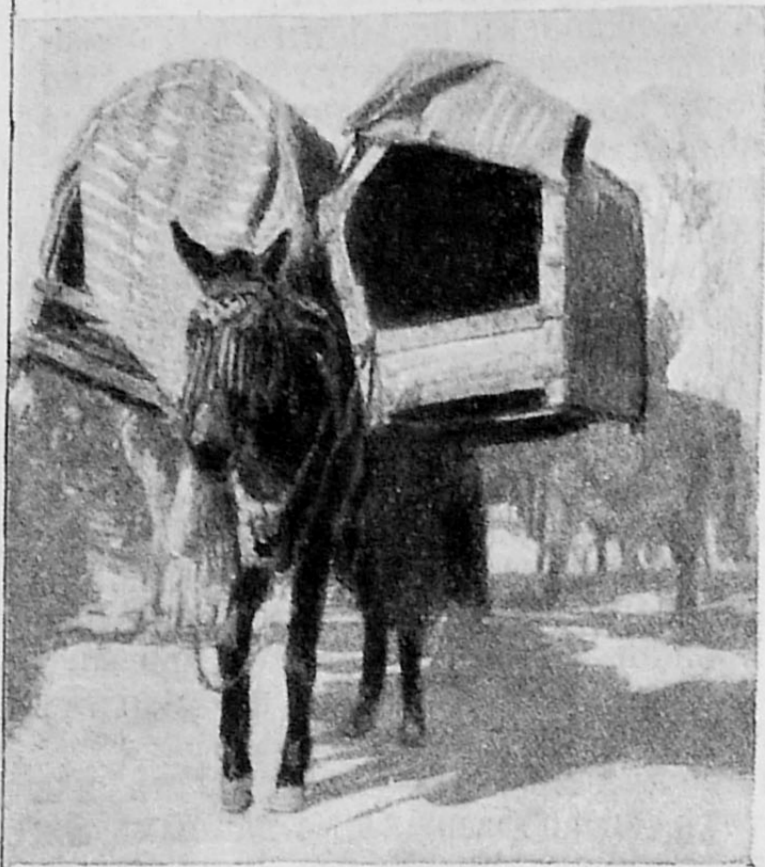
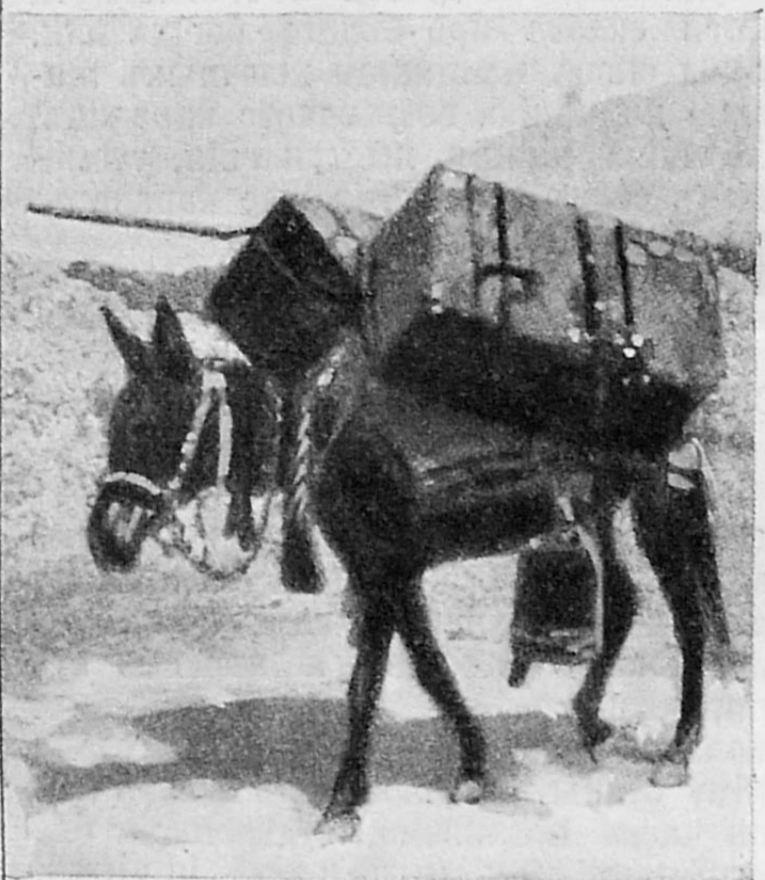

Рис. 1. Саркома—злокачественная опухоль крысы. Три дня жизни въ сывороткѣ крови голубя. Темное пятно—непрозрачная часть опухоли, отъ нея во всѣ стороны тянутся размножившіяся клѣточки.

Вьючный мулъ каравана.

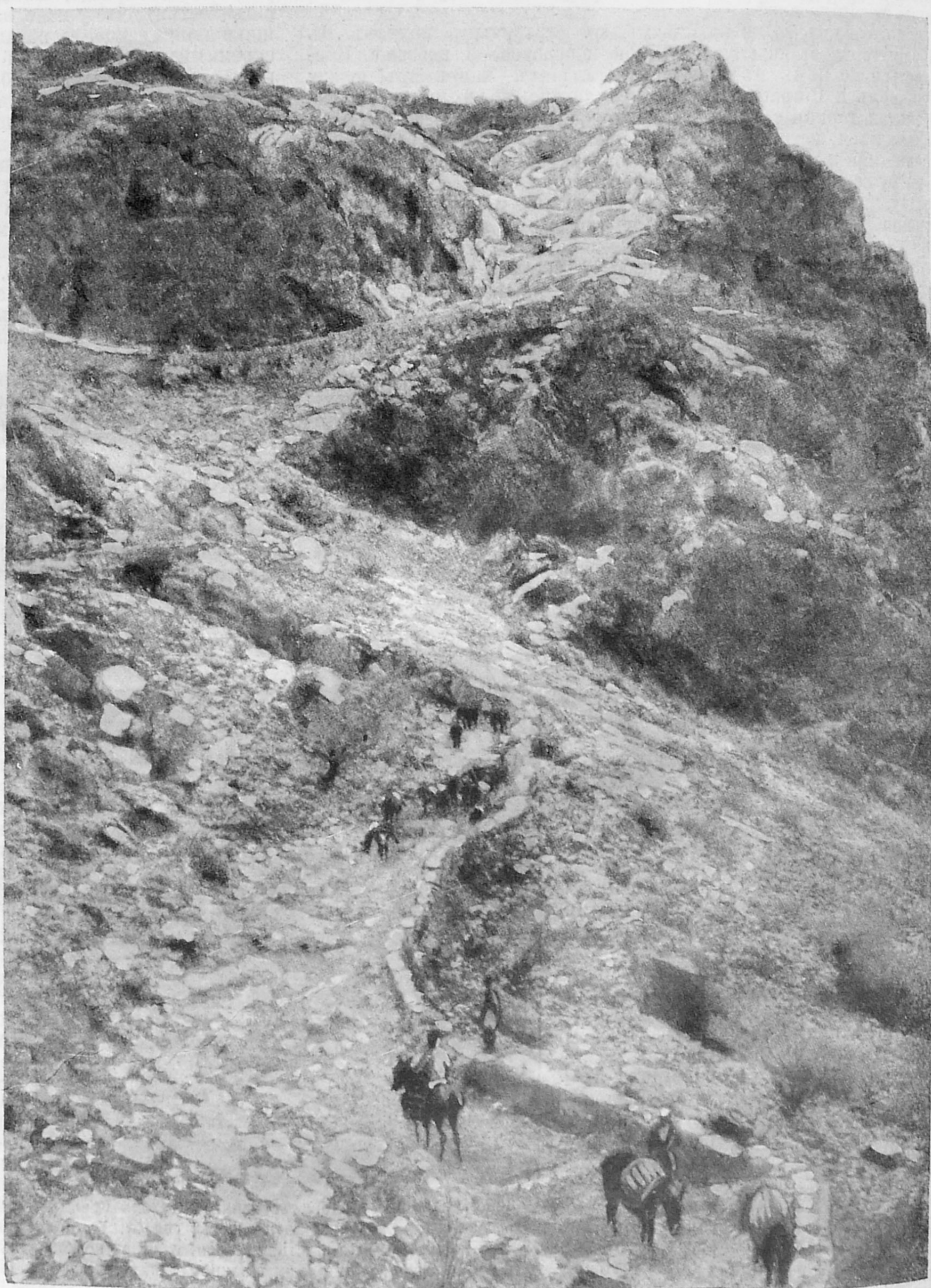
Передовой мулъ каравана съ вѣстовымъ колоколомъ.

Паломникъ на пути въ Мекку.

Почтовая карета, совершающая рейсы между Энзели и Тегераномъ, передъ главными воротами столицы.

Подъемъ въ горномъ проходѣ между Буширомъ и Ширасомъ.

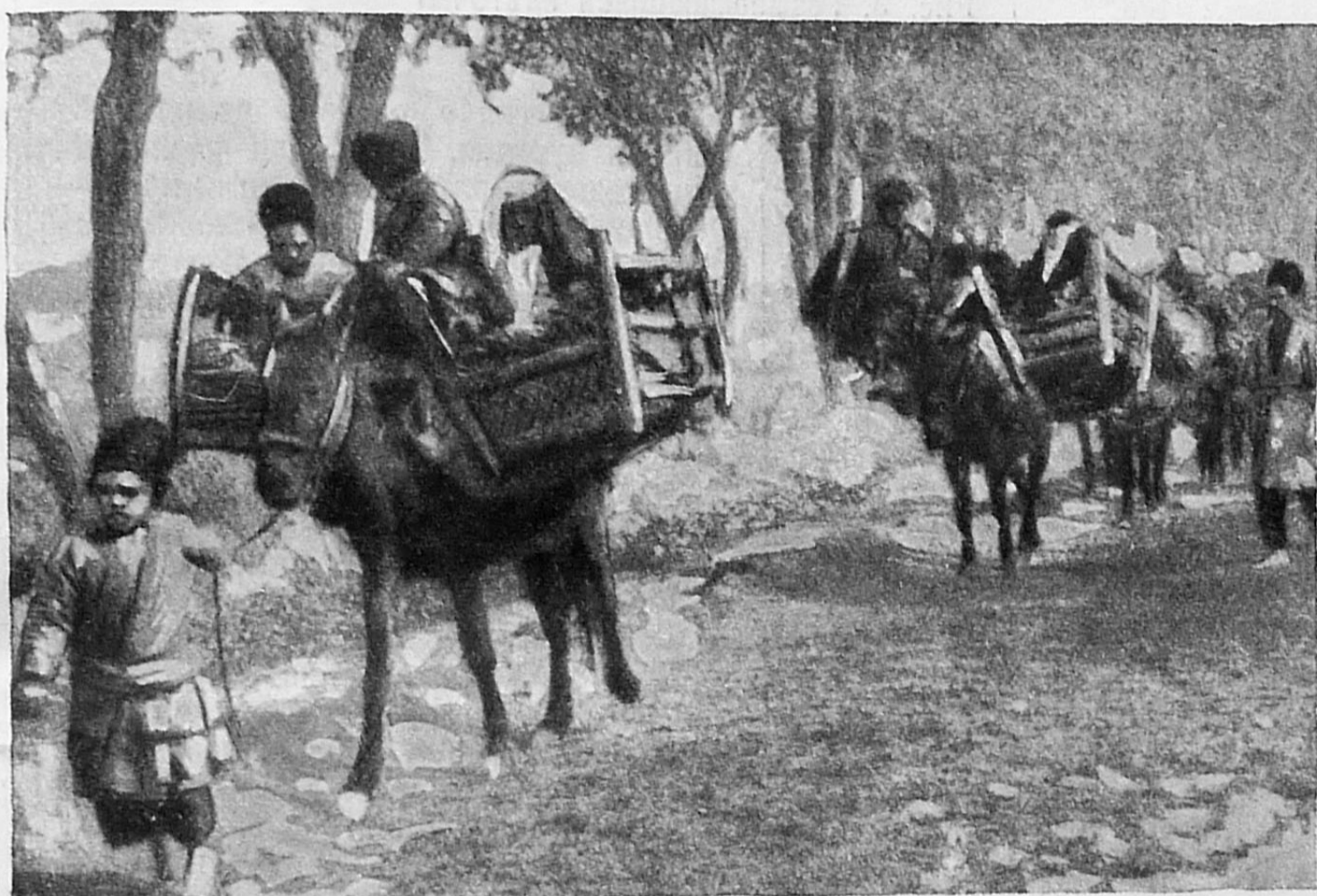
Какъ путешествуютъ въ Персiи.

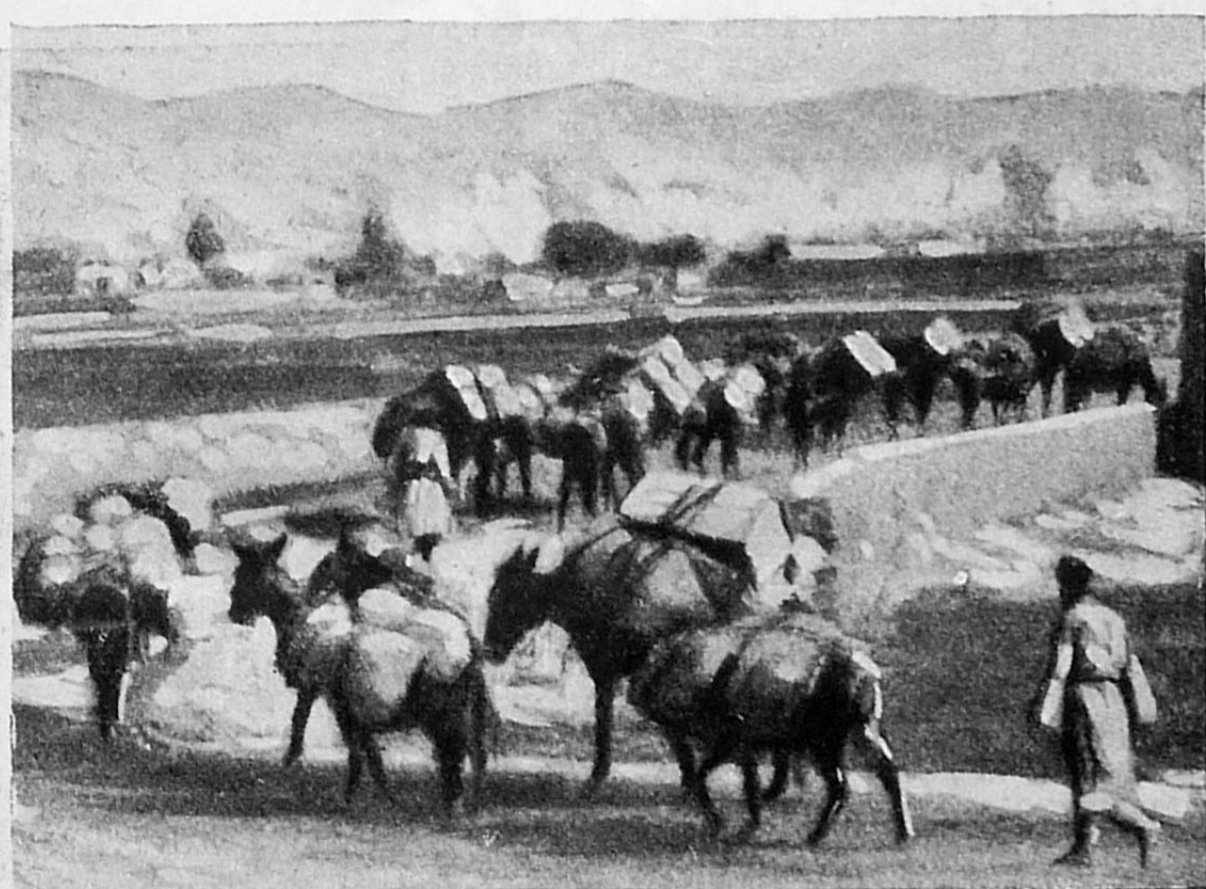
Персидская знатная дама съ ребенкомъ и служанкой въ дорогѣ.

Проводникъ съ полнымъ дорожнымъ вьюкомъ на мулъ.

Путешествіе въ палакинахъ.

Караванъ въ пути.

Внутренній видъ персидскаго караванъ-сарая въ окрестностяхъ Шираса.

Какъ путешествуютъ въ Персіи.

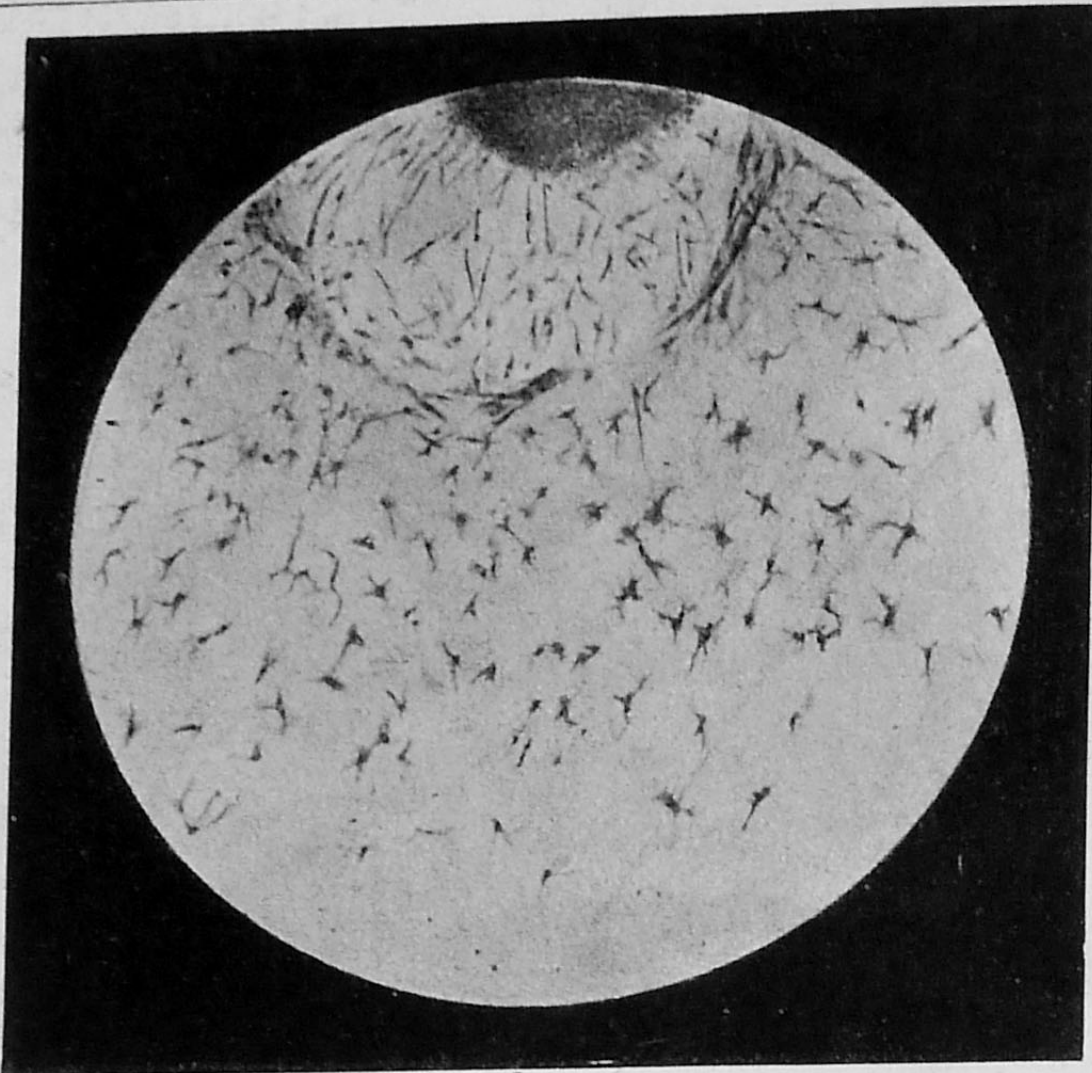

Рис. 2. Клеточки саркомы послѣ шести дней жизни въ плазмѣ крови человѣка.

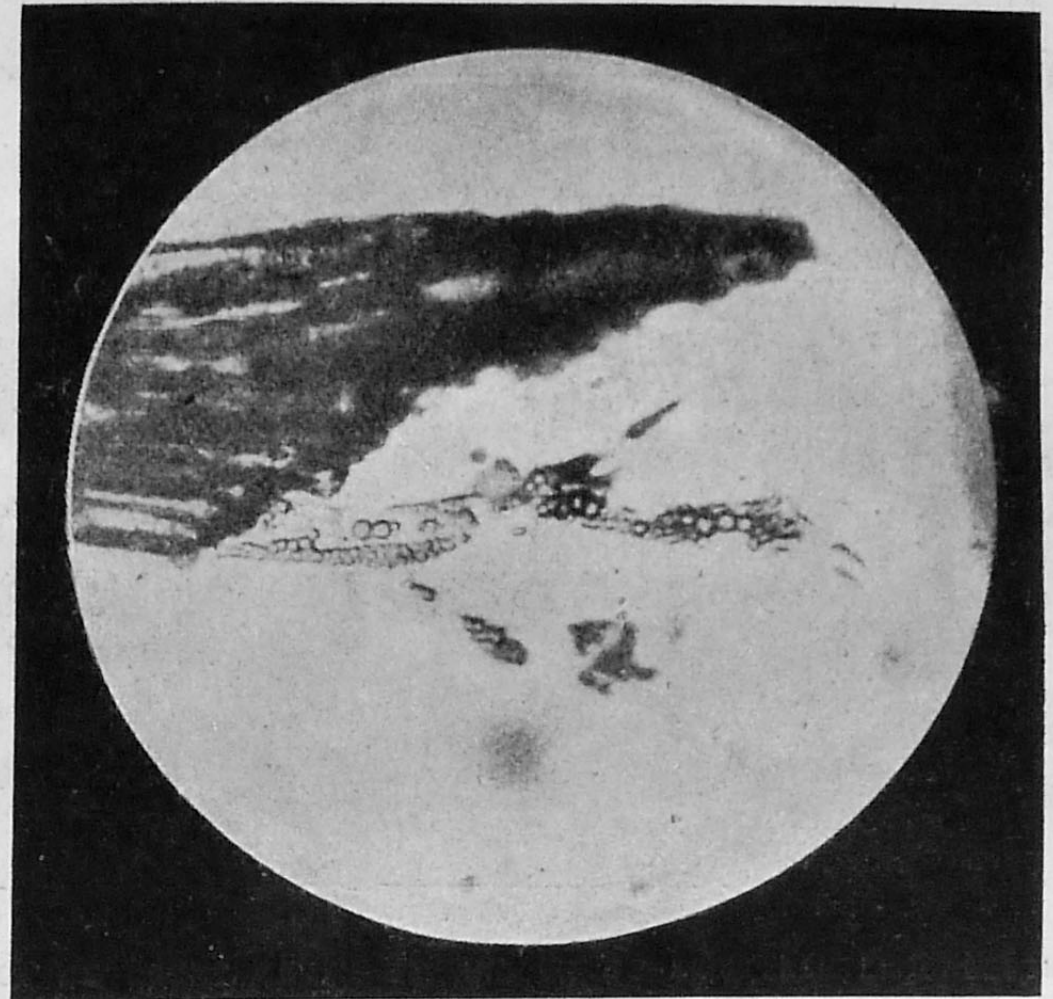

Рис. 3. Размножающіяся клеточки зародышевой ткани.

лѣченій болѣзней, такъ какъ въ будущемъ представляется возможность замѣщать пораженныя части нормальной жизнедѣятельной тканью, возвращенной при искусственныхъ условіяхъ. Такъ, напр., если имѣется заболѣваніе щитовидной железы, отражающееся на благосостояніи всего организма, то возможно будетъ достигнуть излѣченія, если у насъ будетъ искусственно разведенная ткань щитовидной железы, которую мы пересадимъ въ заболѣвшій организмъ, при чемъ эта ткань будетъ вырабатывать необходимыя для организма вещества, которыхъ онъ лишился благодаря имѣющемуся заболѣванію щитовидной железы. При этомъ для разводки можно взять незначительный кусочекъ железы того же самага субъекта, если въ ней остались еще участки здоровой ткани.

Можно легко представить значительное количество случаевъ, въ которыхъ искусственно разведенныя „in vitro“ ткани различныхъ органовъ могутъ послужить волшебнымъ цѣлительнымъ средствомъ для разнообразныхъ болѣзней, замѣщая пораженные органы и ихъ нарушенную дѣятельность. Съ другой стороны, открывається широкое поле для изученія злокачественныхъ опухолей рака и саркомъ, для излѣченія которыхъ медицина еще не имѣетъ другихъ вѣрныхъ средствъ кромѣ ножа хирурга, оказывающагося дѣйствительнымъ только въ раннихъ періодахъ заболѣванія. Энергичное размноженіе клѣтокъ этихъ опухолей дѣлаетъ ихъ чрезвычайно интереснымъ объектомъ для наблюденія „in vitro“, и можно надѣяться, что изученіе при этихъ условіяхъ элементовъ злокачественныхъ опухолей прольетъ свѣтъ на ихъ пока еще темное происхожденіе и дастъ въ руки средства для борьбы съ этими ужасными заболѣваніями. Въ чемъ же состоитъ новый способъ, и каковы условія, которыя требуются для жизни тканей внѣ организма? Какъ мы уже упоминали, живые элементы организма нуждаются въ постоянномъ притока питательныхъ веществъ. Слѣдовательно, они должны быть помѣщены въ такую среду, которая бы заключала въ себѣ достаточное количество питательныхъ веществъ, необходимыхъ для живыхъ клѣточекъ. Для этого пользуются жидкой частью крови—плазмой или составляютъ такую

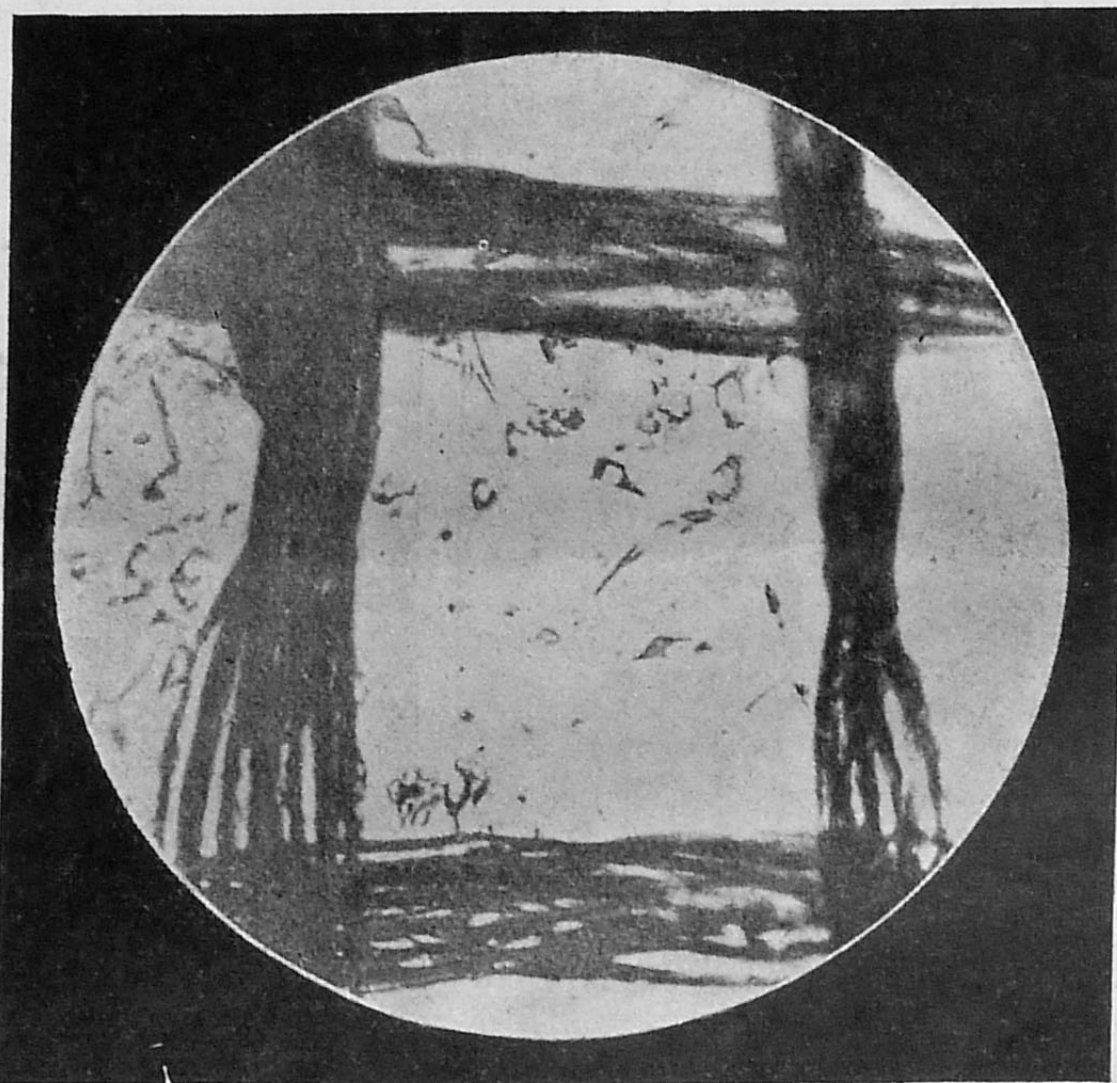

Рис. 4. Петли шелковой ткани, въ которой видны размножающіяся клеточки зародышевой ткани.

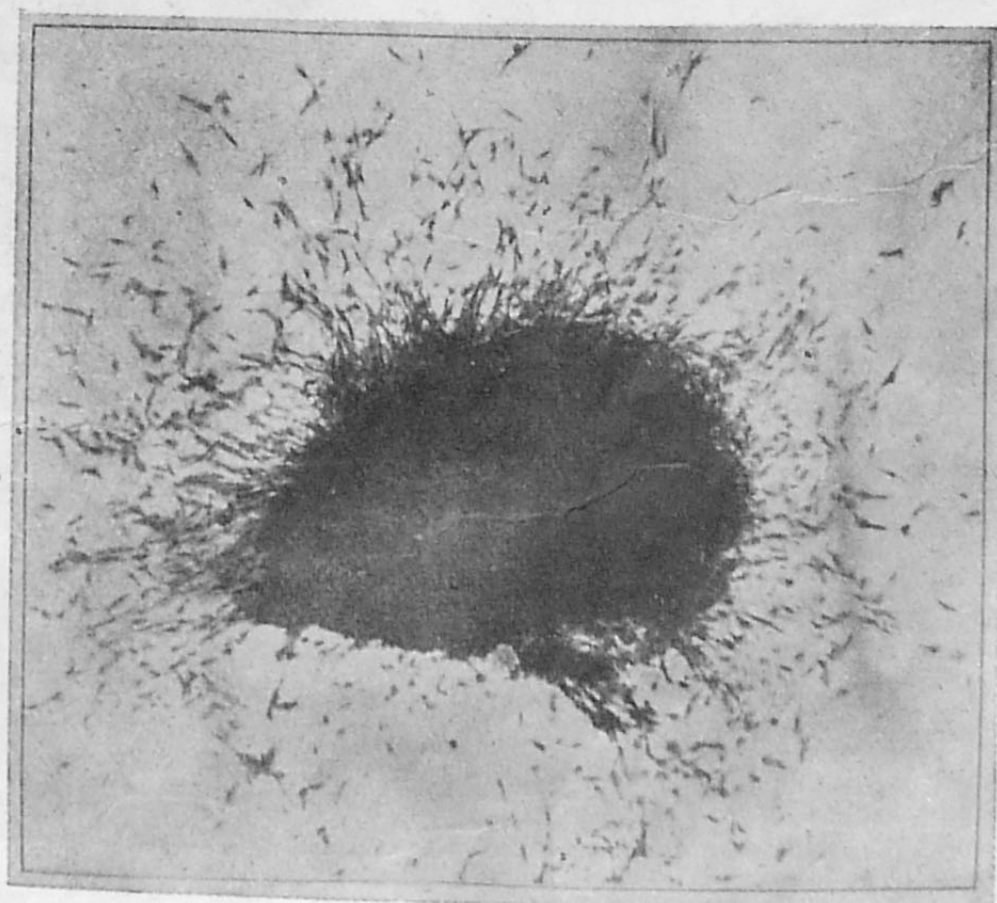

Рис. 5. Кусочекъ кожи зародыша цыпленка, выращенный въ сывороткѣ крови собаки.

жидкость искусственно. Лучшіе результаты получаются, если брать плазму крови того же самага животнаго, что и ткань. Въ плазмѣ другого животнаго ткани не такъ разрастаются. Такъ, напр., кожа

лягушки слабо растетъ въ плазмѣ крови курицы. Ткань для разводки приходится брать съ большими предосторожностями, по возможности не подвергая ее дѣйствию воздуха и сейчасъ же помѣщая ее въ питательную жидкость. Ткань можетъ быть взята отъ организма живого или же сейчасъ же послѣ смерти. Послѣ отдѣленія ткани отъ организма ее удается сохранить въ недѣятельномъ состояніи, при низкой температурѣ около нуля, въ теченіе многихъ часовъ (до 72 час. и даже до 6 дней). Такая ткань, перемѣщенная въ питательную жидкость и соответствующую температуру, сейчасъ же оживаетъ и начинаетъ проявлять свою жизнедѣятельность.

Кусочки ткани помѣщаютъ на стеклышко, покрываютъ каплей плазмы и укрѣпляютъ перевернутое стеклышко на поддерживающемъ стеклышкѣ, имѣющемъ углубленіе, такъ что ткань не будетъ касаться стѣнки этого углубленія. Если требуется наблюдать органъ, то его измельчаютъ на кусочки и помѣщаютъ на часовомъ стеклышкѣ съ плазмой. Такой препаратъ сохраняютъ въ шкапахъ, нагрѣваемыхъ газомъ до 37° или выше. Для наблюденія при увеличеніи примѣняютъ особые микроскопы, помѣщенные также въ нагрѣваемыхъ шкапикахъ. Если ростъ ткани идетъ медленно, то ее легко сфотографировать при помощи микрофотографического аппарата или ерисовать; но иногда размноженіе клѣтокъ идетъ такъ быстро, что очертанія непрерывно измѣняются. О томъ, что клѣтки размножаются, судятъ по тѣмъ разнообразнымъ фигурамъ, которыя образуютъ центральное вещество клѣточки—ядро, принимающее дѣятельное участіе въ процессѣ образованія дѣлящихся клѣтокъ. На прилагаемыхъ рисункахъ можно видѣть характерныя фигуры клѣточекъ различныхъ тканей и злокачественныхъ опухолей. На рис. 1 изображена саркома—злокачественная опухоль крысы послѣ трехъ дней жизни въ сывороткѣ крови голубя. За это время клѣточки опухоли продолжали энергично размножаться. Такая же опухоль изображена на рис. 2; ткань опухоли послѣ временнаго пребыванія въ теченіе шести дней въ плазмѣ крови человѣка перенесена въ плазмы крови крысы и показываетъ признаки усиленнаго размноженія.

Хорошую основу для размножающихся клѣточекъ образуютъ петли шелковой матеріи, какъ это видно на рис. 3 и 4, гдѣ изображены кусочки кожи зародыша цыпленка, при чемъ на рис. 4 въ пе-

тляхъ шелковой ткани видны отдѣльныя клѣточки, принадлежащія второму поколѣнію клѣточекъ, выращенному при искусственныхъ условіяхъ. На рис. 5 можно видѣть также кожу зародыша цыпленка, но выращенную въ сывороткѣ крови собаки, въ

сравнительно молодой, 48-ми часовой, культурѣ. Такъ какъ клѣточки имѣютъ микроскопическую величину, то для того, чтобы ихъ видѣть, требуется сильное увеличеніе, и рисунки даютъ ту картину, которая получается при разсматриваніи въ микроскопѣ.

Фельдмаршалъ графъ Д. А. Милютинъ.

(1816—1912.).

25 января с. г. въ Симеизѣ, близъ Ялты, скончался въ глубочайшей старости замѣчательный русскій государственный дѣятель, одинъ на новый, культурный ладъ, ближайшій и талантливѣйшій сотрудникъ Царя-Освободителя въ дѣлѣ проведенія великихъ реформъ 60-хъ годовъ, фельдмаршалъ русской арміи, графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ.

Смерть пришла къ нему на 96-мъ году его жизни. Столь продолжительная жизнь покойнаго графа была необычайно богатой по своему внутреннему содержанию и по обилію того добра, которое было сдѣлано имъ для нашей родины. И если для русскаго самосознанія навсегда останутся дороги и окружены свѣтлымъ ореоломъ шестидесятые годы, эта почти поэтическая юношески-идеалистическая эпоха общественнаго пробужденія и стремленія къ свѣту и благу, то такимъ же ореоломъ должно быть окружено и свѣтлое имя Д. А. Милютина, котораго слѣдуетъ безъ всякаго преувеличенія считать однимъ изъ творцовъ обновленной шестидесятыми годами Россіи.

Покойный родился въ 1816 году, учился въ Московскомъ Дворянскомъ пансіонѣ и началъ въ молодыхъ годахъ военную службу фейерверкеромъ гвардейской артиллеріи. Позднѣе, уже въ чинѣ прапорщика, онъ поступилъ въ Военную Академію и, еще будучи слушателемъ, напечаталъ цѣлый рядъ статей по военному дѣлу. Въ 1839 году гр. Д. А. Милютинъ кончилъ Академію первымъ и отправился на Кавказъ, гдѣ происходила война съ Шамилемъ. Молодой офицеръ участвовалъ въ многихъ бояхъ съ горцами, былъ раненъ и вернулся въ столицу. Нѣсколько позднѣе онъ былъ уже профессоромъ въ той Академіи, въ которой такъ блестяще кончилъ курсъ. Онъ читалъ военную географію и статистику и въ то же время занимался исторіей. Имъ былъ изданъ тогда цѣлый рядъ капитальныхъ историческихъ работъ, и одна изъ нихъ: „Исторія войны между Россіей и Франціей 1799 года“—была удостоена Демидовской преміи отъ Академіи Наукъ.

Въ 50-хъ годахъ гр. Д. А. Милютинъ снова отправился на Кавказъ и, въ качествѣ начальника штаба кавказской арміи, былъ правой рукой тогдашняго кавказскаго наместника, кн. Барятинскаго. При немъ совершилось паденіе Шамиля: гр. Д. А. Милютинъ принималъ видное участіе въ занятіи послѣднихъ оплотовъ горцевъ и въ плѣненіи Шамиля.

Въ 1861 г. гр. Д. А. Милютинъ былъ назначенъ военнымъ министромъ. Съ этого времени его дѣятельность принимаетъ широко-государственный характеръ. Будучи лицомъ весьма близкимъ къ государю Александру II, гр. Д. А. Милютинъ принималъ видное участіе не только въ дѣлахъ Военнаго Министерства, но почти во всѣхъ проводившихся тогда великихъ реформахъ. Плодотворная дѣятельность гр. Д. А. Милютина простиралась за предѣлы его вѣдомства. Достаточно сказать, что, напримѣръ, въ дѣлѣ народнаго образованія имъ было сдѣлано гораздо больше, чѣмъ прямыми представителями этого вѣдомства.

Принявъ въ свои руки военное дѣло въ Имперіи, гр. Д. А. Милютинъ рѣшительными мѣрами совершенно реорганизовалъ у насъ всю армію. Онъ поставилъ себѣ задачей превратить ее изъ отсталой и плохо вооруженной арміи въ солидную боевую силу, которая должна была сравняться съ западно-европейскими

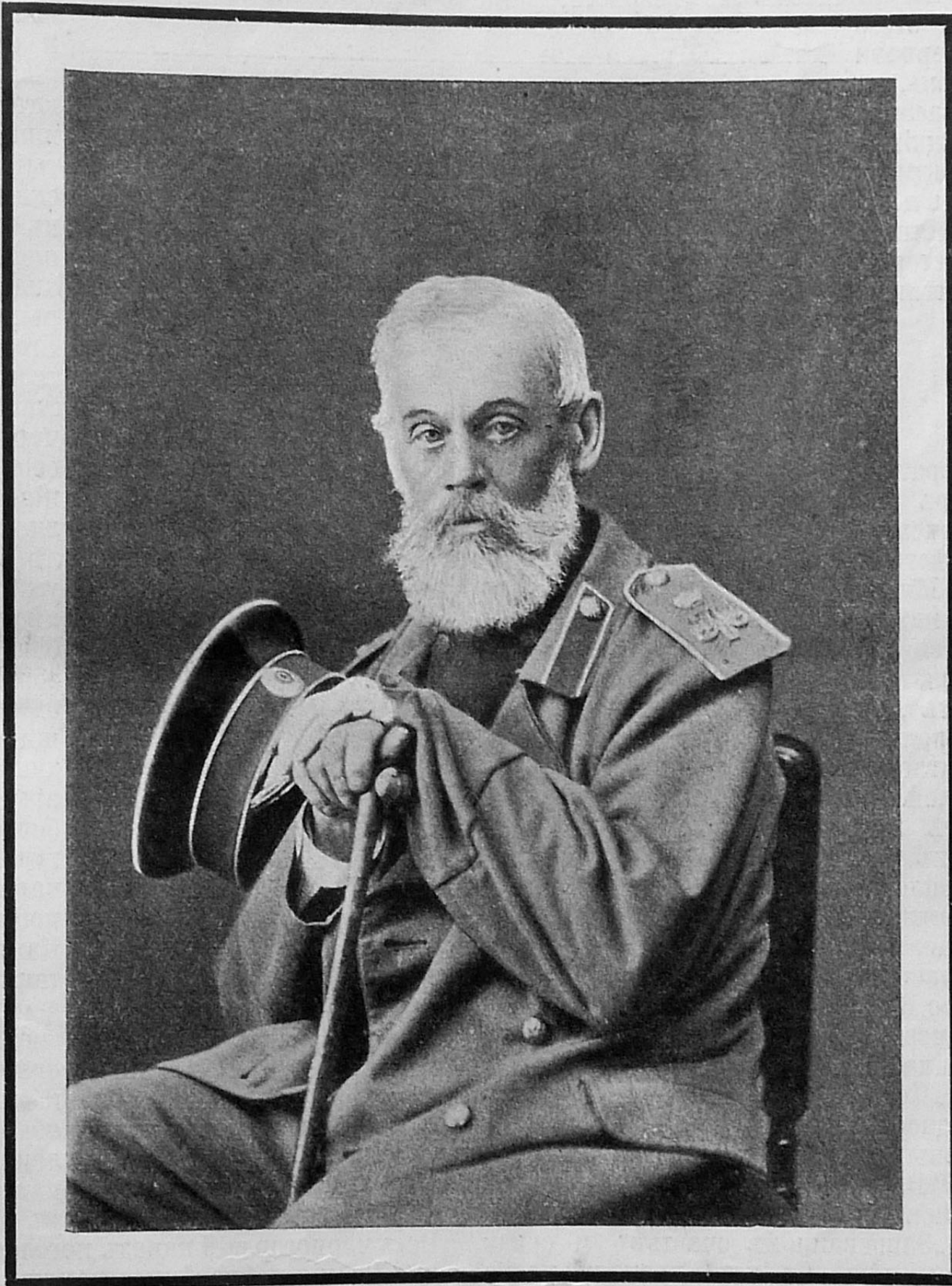
арміями. Эта цѣль была достигнута гр. Д. А. Милютинымъ въ теченіе 20 лѣтъ.

Онъ блестяще довелъ до конца то, что началъ, и его дѣятельность по реформированію арміи поражаетъ своей планомѣрностью и стройностью мысли и дѣла. При немъ было произведено полное перевооруженіе арміи (окончательно исчезли кремневые ружья). Была измѣнена вся военная организація арміи, отменены жестокія наказанія солдатъ; были преобразованы больничная и санитарная части въ войскахъ, увеличено жалованье

офицерамъ и т. д. Но что гораздо важнѣе, гр. Д. А. Милютинъ позаботился о пополненіи арміи образованными и знающими свое дѣло офицерами; для этой цѣли имъ былъ созданъ цѣлый рядъ новыхъ военно-учебныхъ заведеній (военныя гимназій) съ обширнымъ общеобразовательнымъ курсомъ и съ хорошимъ педагогическимъ составомъ. Кромѣ того, были учреждены педагогическіе курсы при СПб. 2-й военной гимназій (нынѣ 2-й корпусъ, недавно справлявшій свое двухсотлѣтіе) и особыя учительскія семинаріи для подготовки умѣлыхъ и образованныхъ преподавателей и воспитателей въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Наконецъ была преобразована Академія Генеральнаго Штаба, а юридическіе офицерскіе курсы превратились въ самостоятельную Военно-Юридическую Академію. Благодаря этимъ просвѣтительнымъ мѣрамъ, оказалось возможнымъ выпускать каждый годъ въ армію болѣе 2.000 образованныхъ офицеровъ вмѣсто 600, которыхъ до того времени выпускали кадетскіе корпуса. Но просвѣтительная реформа гр. Милютина имѣла и гораздо болѣе широкое значеніе: она способствовала общему поднятію образованія въ Россіи, тѣмъ болѣе, что „милютинскія“ военныя гимназій справедливо славятся прекраснымъ подборомъ педагогическаго персонала и хорошей постановкой преподаванія.

Вѣнцомъ всѣхъ реформъ гр. Милютина въ военномъ дѣлѣ, конечно, слѣдуетъ считать введенную имъ всеобщую воинскую повинность (въ 1874 году). Это была одна изъ благотворнѣйшихъ реформъ того знаменательнаго времени, и нужно ли добавлять, какое значеніе она имѣла для общаго подъема всего дѣла государственной обороны у насъ. Результаты военно-организационной дѣятельности гр. Милютина сказались весьма скоро—въ русско-турецкую войну 1877-78 гг. Преобразованная армія нанесла туркамъ рядъ блестящихъ поражений. Заслуги гр. Милютина были тогда высоко оцѣнены: въ день паденія Плевны онъ получилъ Георгія 2-й степени и былъ возведенъ въ графское достоинство.

Дальнѣйшая государственная дѣятельность гр. Милютина была вся цѣликомъ направлена къ проведенію великихъ реформъ Царя-Освободителя въ духѣ истиннаго гуманизма и государственной мудрости. Благотворное вліяніе гр. Милютина сказывается почти въ каждой изъ этихъ реформъ. Въ земской реформѣ онъ стоялъ за предоставленіе земству болѣе самостоятельности и правъ, въ судебной онъ былъ поборникомъ гласности, равноправности и быстроты суда. Въ дѣлѣ народнаго образованія гр. Милютинъ былъ противникомъ той закостѣлой классической системы, которая, къ сожалѣнію, была потомъ введена, и, какъ мы видѣли, создалъ цѣлый рядъ прекрасныхъ училищъ не только военнаго, но и широко гуманитарнаго характера. Громадную роль гр. Милютинъ сыгралъ въ дѣлѣ высшаго женскаго образованія: при его дѣя-

Фельдмаршалъ графъ Д. А. Милютинъ (1816—1912).

тельномъ содѣйствіи женщины были сначала допущены въ Медико-Хирургическую Академію для слушанія лекцій — дѣло небывалое и невозможное для прежняго времени, — а затѣмъ были основаны Женскіе Медицинскіе Курсы. Однимъ словомъ, не было въ тогдашней жизни русскаго общества и государства почти ни одной сферы, которой не коснулось бы благотворное и творческое участіе гр. Д. А. Милютина. Роль его въ культурной исторіи нашей страны прямо громадна.

Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра II гр. Милютину было поручено завѣдываніе иностранными дѣлами, и можно сказать, что въ то время гр. Милютинъ былъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ правящихъ лицъ въ Россіи.

Послѣдніе свои годы гр. Д. А. Милютинъ провелъ въ отшельничествѣ, на южномъ берегу Крыма. Онъ жилъ тамъ въ тишинѣ и покоѣ, но не забытый Россіей. Долго-долго тянулись эти послѣдніе годы. Изумительная жизненная энергія поддерживала симеизскаго отшельника почти до столѣтняго возраста. И только болѣзнь, подорвавшая недавно его старческія силы, и извѣстіе о тяжелой болѣзни его супруги, Н. М. Милютиной, скончавшейся за нѣсколько дней до него, почти въ такомъ же возрастѣ, какъ и онъ, смертельно поразили этого замѣчательнаго человѣка и прервали его долгую и прекрасную жизнь.

Гр. Д. А. Милютинъ за свои заслуги имѣлъ всѣ русскіе ордена и рѣдкій у насъ высшій военный чинъ фельдмаршала. Онъ состоялъ президентомъ и почетнымъ членомъ многихъ обществъ и имѣлъ званіе доктора русскаго исторіи, присужденное ему Петербургскимъ университетомъ въ 1866 году.

В. А. Мичурина.

(Портр. на стр. 123).

26 января с. г. на сценѣ Императорскаго Александринскаго театра состоялся торжественный бенефисный спектакль — чествованіе извѣстной драматической артистки В. А. Мичуриной по поводу двадцатипятилѣтія ея службы на Императорской сценѣ. Была поставлена пьеса Островскаго и Соловьева „Свѣтитъ да не грѣбеть“, въ которой главная женская роль — Реновой по справедливости считается коронной ролью В. А. Мичуриной.

В. А. Мичурина происходитъ изъ театральной семьи знаменитыхъ Самойловыхъ: ея мать, В. В. Самойлова, въ свое время была извѣстной артисткой того же Александринскаго театра, который воспринялъ и прекрасный талантъ ея дочери. Дѣтство свое В. А. Мичурина провела въ артистической семьѣ и очень рано дебютировала въ музыкальномъ кружкѣ въ пьесѣ „Пековитянка“, затѣмъ играла во дворцѣ Вел. Кн. Екатерины Михайловны въ „Княжнѣ Манѣ“. Въ 1887 году В. А. дебютировала въ Александринскомъ театрѣ въ „Пековитянкѣ“ и „Завоеванномъ счастьѣ“ и сразу завоевала симпатіи зрительной залы. Съ того времени ровно четверть вѣка В. А. Мичурина выступала очень часто и въ очень отвѣтственныхъ и крупныхъ роляхъ текущаго репертуара. Она создала множество ролей, изъ которыхъ можно упомянуть Софью въ „Горѣ отъ ума“, Порцію въ „Шейлокѣ“, „Провинціалку“, главныя женскія роли въ „Коварствѣ и Любви“, Каширской старинѣ, „Старомъ закалѣ“, „Джентльменѣ“ и многихъ другихъ.

В. А. Мичурина неподобно изображаетъ женщинъ съ холодной кровью, эффектныхъ и безсердечныхъ кокетокъ. Пьеса, въ которой такъ хороша В. А.: „Свѣтитъ да не грѣбеть“, — характерна для ея сценическаго творчества: это заглавіе можетъ служить какъ бы девизомъ ея амплуа. Такія роли, образы такихъ женщинъ, которыя именно только свѣтятъ, но не даютъ человѣческому сердцу тепла, исключительно удаются артисткѣ. В. А. Мичурина даетъ незабываемые образы „женщинъ-хищницъ“, „женщинъ-львицъ“, прекрасные по своей виѣшней красотѣ, граціи и изяществу образы, художественно отдѣланные и законченные.

Юбилейный спектакль превратился въ сплошное торжественное чествованіе талантливой артистки. Драма Соловьева и Островскаго прошла съ рѣдкимъ подъемомъ и вызвала цѣлый рядъ оваций по адресу В. А. По окончаніи пьесы, состоялось чествованіе В. А. Мичуриной при открытомъ занавѣсѣ. Оно прошло чрезвычайно тепло и эффектно. Чествуемую артистку засыпали всевозможными подношеніями. Многочисленныя депутации отъ театровъ и различныхъ учреждений подносили адреса. Было произнесено много рѣчей, и юбилей В. А. Мичу-

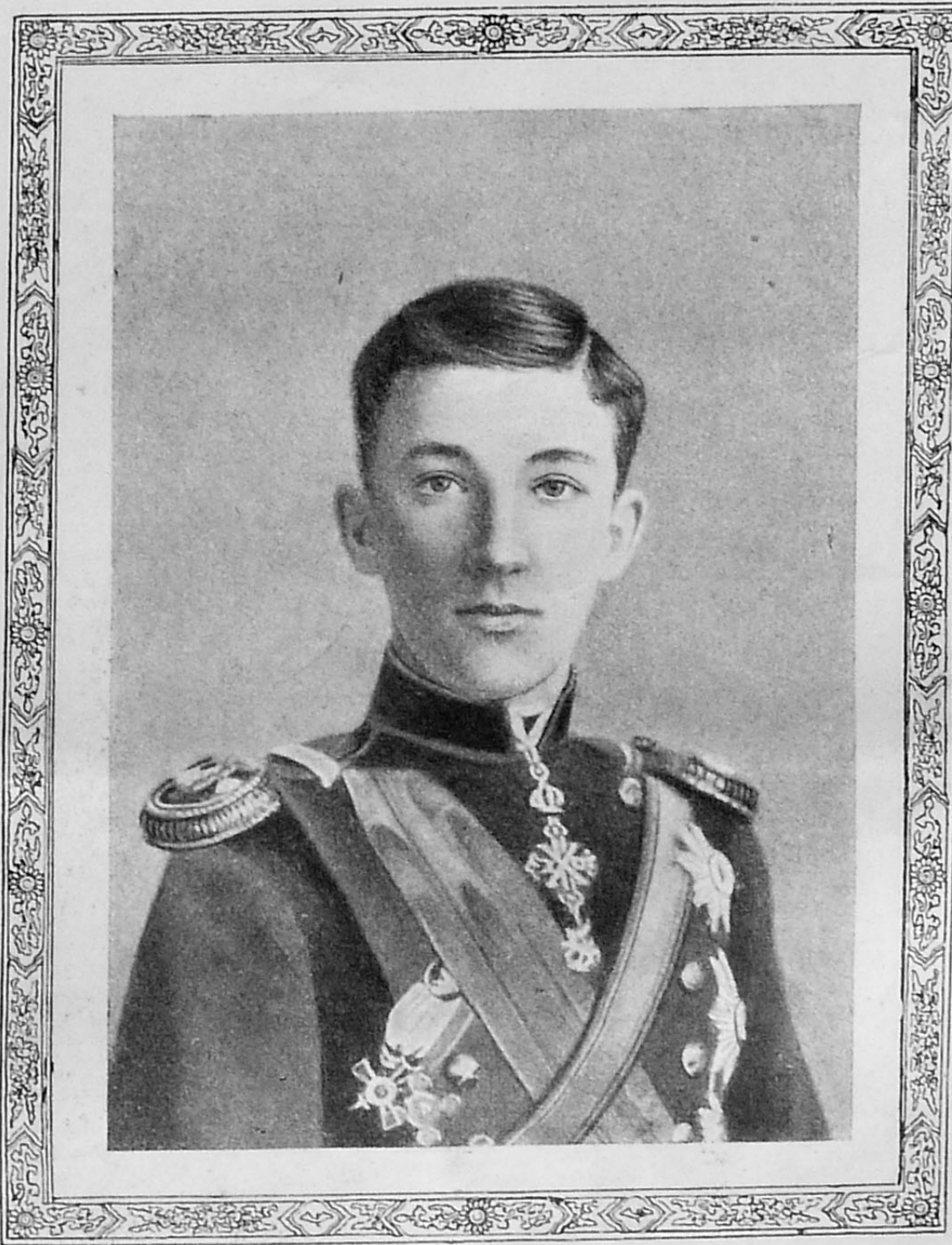
риной былъ такимъ, который не только свѣтитъ, но и грѣбеть...

Можно отъ души пожелать, чтобы В. А. Мичурина еще долго и долго оставалась украшеніемъ нашей Императорской сцены и занимала то видное положеніе на драматической сценѣ, которое она занимаетъ нынѣ. Ея талантъ, ея счастливая виѣшность, весь ея артистически-прекрасный обликъ заставляютъ думать, что двадцатипятилѣтняя блестящая артистическая дѣятельность В. А. будетъ ярко продолжаться во славу русскаго сценическаго искусства.

Къ посѣщенію Россіи королемъ Николаемъ Черногорскимъ.

(Политическое обозрѣніе).

На ряду съ своими сильными и богатыми друзьями — мировыми державами — Россія знаетъ и особенно цѣнить неизмѣнно вѣрнымъ и преданнаго друга — крошечную страну, величиною малочѣмъ побольше орлинаго гнѣзда, и ея бѣдный народъ, безконечно богатый героическимъ духомъ, и ея царственнаго вождя, посѣтившаго нынѣ Россію. Оттѣсненный съ юга могучимъ натискомъ захватившихъ полъ-Европы османовъ, сжатый съ сѣвера надвигающимся тевтонскимъ прессомъ, черногорскій народъ въ неприступныхъ вершинахъ нашелъ опору для своей свободы, закалилъ свой рыцарскій духъ въ непрерывной многовѣковой борьбѣ за нее. Его собственное сердце стало болѣе твердымъ, чѣмъ родныя скалы. Окружающая обстановка жизни сроднила черногорцевъ съ ихъ ближайшими сосѣдями — горными орлами. Въ теченіе многихъ поколѣній они рождались для битвъ, чуть ни съ дѣтскихъ лѣтъ вступали въ ряды бойцовъ и умирали въ битвахъ: смерть отъ болѣзни, смерть на постели, а не въ бою и не отъ ранъ — считалась позорною для героя. Вмѣстѣ съ мужчинами владѣли оружіемъ и женщины. Въ минуты опасности для родины весь народъ превращался въ армію, въ столкновеніи съ которой безпомощно гибли несмѣтные полчища турокъ, цѣлыя таборы храбрыхъ янычаръ, и даже образцовые отряды непобѣдимыхъ наполеоновскихъ войскъ. Какъ сталь куется ударами молота, такъ желѣзныя сердца черногорцевъ выковывались въ теченіе столѣтій подъ звенящими ударами мечей. Они нашли оплотъ своей свободы въ безпредѣльномъ презрѣніи къ личной жизни и въ обоготвореніи героической смерти. Маленькая нація жила только потому, что каждый изъ ея сыновъ былъ готовъ въ любой часъ погибнуть за родину.

Наслѣдникъ болгарскаго престола, Царевичъ Борисъ, совершеннолѣтіе котораго торжественно отпраздновано 18 января с. г. въ Софіи.

Весь черногорскій народъ поголовно состоитъ изъ Леонидовъ; древняя Греція увѣковѣчила память Леонида, погибшаго при Фермопилахъ, но вся Черногорія — однѣ сплошныя Фермопилы, населенныя Леонидами. Въ современной Европѣ все измельчало, духовно выродилось, утратило величественный ореолъ романтической поэзіи, все залито какимъ-то всемірнымъ потономъ пошлости и прозы. Онъ широко разливаема по равнинамъ земли, но не можетъ дохлестнуть до бѣлоснѣжныхъ вершинъ Черныхъ горъ. Въ этомъ маленькомъ заколдованномъ царствѣ, куда не ступала еще нога побѣдоноснаго врага, сохранились эпическіе характеры и души иныхъ эпохъ, не обезсиленные и не запачканные грязной мутью больной, полувырождающейся современности. Теперь въ Россію явился дорогой гость — глава самаго героическаго народа въ мірѣ. Одна мысль, что народъ героев — родной намъ по крови, наполняетъ душу чувствомъ неизъяснимой гордости и заставляетъ вспомнить, что мы носимъ въ себѣ тѣ же великія черты національнаго духа. Въ лицѣ короля Николая Черногорскаго Россія шлетъ сердечный привѣтъ великому духомъ славянскому народу, — народу, умѣющему цѣнить свободу выше жизни.

Гос. Дума, какъ охранительница свободы печати.

(Вопросы внутренней жизни).

Существуетъ убѣжденіе, что Гос. Дума злоупотребляетъ правомъ запросовъ. Нѣкоторые изъ запросовъ вызываютъ къ себѣ самый напряженный интересъ, горячо обсуждаются не только въ Думѣ, но и въ печати и въ обществѣ, большая же часть ихъ

проходить почти незамѣченной и не успѣваетъ привлечь къ себѣ достаточное сочувствіе даже думской залы. Въ политической живо затрагиваетъ широкіе общественные круги, всегда выступившимъ правосознаніемъ. Долгъ безпристрастія заставляетъ призапросовъ — особенно съ крайнихъ скамей — носить черезчуръ кружковый характеръ и не находятъ отклика въ обществѣ. Но щая запросъ, вдругъ становится выразительницею коллегіальной слящей Россіи. Въ такихъ случаяхъ запросъ сразу приобретаетъ ритетъ. Именно съ такимъ внушительнымъ и величавымъ значеніемъ прошель въ Гос. Думѣ запросъ о нарушеніи законовъ о свободѣ печати запрещеніемъ писать о Григоріи Распутинѣ и конфискаціею газетъ, нарушившихъ это запрещеніе. Фракція союза 17 октября обратилась къ предѣдателю Гос. Думы съ слѣдующимъ письменнымъ заявленіемъ:

„Господину предѣдателю
Гос. Думы.

Въ №19 „Голоса Москвы“ отъ 24 января сего года было помѣщено письмо въ редакцію подъ заглавіемъ „Голосъ православнаго мірянина“ за подписью редактора-издателя „Религіозно-Философской Библіотеки“, Михаила Новоселова, слѣдующаго содержанія:

„Quousque tandem abutere patientia nostra?“

„Эти негодующія слова невольно вырываются изъ груди православныхъ русскихъ людей по адресу хитраго заговорщика противъ святыни, церкви и гнуснаго растлителя душъ и тѣлесъ человѣческихъ, Григорія Распутина, дерзко прикрывающагося этой самой святыней церковной.

„Этими словами вынуждаются, со скорбью и горечью, воззвать къ Св. Синоду чада православной русской церкви, видя страшное попустительство высшаго церковнаго управленія по отношенію къ названному Григорію Распутину.

„Доколѣ, въ самомъ дѣлѣ, Св. Синодъ, передъ лицомъ котораго уже нѣсколько лѣтъ разыгрывается этимъ проходившемъ преступная траги-комедія, будетъ безмолвствовать и бездѣйствовать?“

„Почему безмолвствуетъ и бездѣйствуетъ онъ тогда, когда Божеская заповѣдь — блюсти стадо отъ волковъ хищныхъ, казалось бы, съ неотразимой силой должна была сказаться въ сердцахъ архипастырей, призванныхъ „право править слово истины“?

„Почему молчатъ епископы, коимъ хорошо извѣстна дѣятельность наглаго обманщика и растлителя?“

„Почему молчатъ они, „стражи Израилевы“, когда въ письмахъ ко мнѣ нѣкоторые изъ нихъ откровенно называютъ этого служителя лжи хлыстомъ, эротоманомъ, шарлатаномъ?“

„Гдѣ его „святѣйшество“, если онъ, по нерадѣнію или малодушію, не блюдетъ чистоты вѣры въ церкви Божіей и попускаетъ развратному хлысту творить дѣла тьмы подъ личиною свѣта? Гдѣ его „правящая десница“, если онъ и пальцемъ не хочетъ шевельнуть, чтобы извергнуть дерзкаго растлителя и еретика изъ ограды церковной?“

„Быть-можетъ, ему недостаточно извѣстна дѣятельность Григорія Распутина?“

„Въ такомъ случаѣ прошу прощенія за негодующее, дерзновенное слово и почтительно предлагаю высшему церковному учре-

жденію вызвать меня для представленія данныхъ, доказывающихъ истинность моей оцѣнки хитраго обольстителя“.

Въ № 50 газеты „Вечернее Время“ отъ 24 января сего года были помѣщены выдержки изъ приведеннаго выше письма.

Оба нумера газетъ распоряженіемъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати были конфискованы, и редакторы ихъ привлечены къ судебной отвѣтственности.

Выяснилось, что предварительно редакторамъ этихъ газетъ, а равно и другихъ газетъ въ Петербургѣ и Москвѣ, были предъявлены со стороны представителя высшей администраціи требованія ничего не печатать объ извѣстномъ Григоріи Распутинѣ.

Признавая, что такой способъ воздѣйствія на свободу печати, сопровождаемый тѣми характерными мѣрами, которыя нашли себѣ примѣненіе въ отношеніи двухъ названныхъ газетъ, является не-

законѣрными дѣйствіями со стороны агентовъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, мы, нижеподписавшіеся, предлагаемъ Гос. Думѣ на основаніи ст. 33 Пол. о Гос. Думѣ, обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ съ нижеслѣдующимъ запросомъ:

1. Извѣстно ли министру внутреннихъ дѣлъ, что представителемъ администраціи было предъявлено требованіе редакторамъ газетъ въ Петербургѣ и Москвѣ ничего не писать о Григоріи Распутинѣ, и что неисполненіе сего требованія имѣло послѣдствіемъ конфискацію газетъ и привлеченіе редакторовъ къ отвѣтственности?

2. Если извѣстно, то какія мѣры имѣ приняты къ возстановленію законнаго порядка?

Запросъ просимъ признать спѣшнымъ“. Гучковъ, Лерхе, Карякинъ, Протопоповъ, Кузовковъ, Львовъ 2 и др.

За спѣшность высказались два оратора: А. И. Гучковъ и В. Н. Львовъ.

А. И. Гучковъ сказалъ слѣдующее: „только — что оглашенный запросъ чрезвычайно простъ. Администрація воспретила газетамъ писать о томъ, о чемъ вотъ уже нѣсколько недѣль говоритъ вся Россія, съ тревогой и безпокойствомъ слѣдя за развитіемъ событій, а когда газеты не подчинились, къ нимъ была примѣнена конфискація, и редакторы были привлечены къ отвѣтственности. Незаконѣрность налицо: и фактическая и юридическая стороны дѣла настолько безспорны, что не требуется никакая пред-

варительная комиссіонная работа, никакое разслѣдованіе и обсужденіе. Гос. Дума можетъ и въ настоящемъ положеніи обсудить этотъ вопросъ. Господа, тяжелые и жуткіе дни переживаетъ Россія. Глубоко взволнована народная совѣсть. Какіе-то мрачные призраки средневѣковья встали передъ нами. (Голоса слова: „Вѣрно, правильно“). Неблагополучно въ нашемъ государствѣ. Опасность грозитъ нашимъ народнымъ святынямъ. А гдѣ же они, охранители этихъ святынь, святыни алтаря и святыни трона? Почему безмолвствуетъ голосъ іерарховъ, почему бездѣйствуетъ государственная власть? Тогда патриотическій долгъ, долгъ службы независимой печати и долгъ нашей совѣсти, долгъ совѣсти народнаго представительства, возвыситъ свой голосъ, дать исходъ тому общественному негодованію, которое накапливается въ странѣ. И вотъ этотъ долгъ совершила наша печать. Этотъ долгъ мы совершаемъ и сегодня (Возгласы слова: „Давно пора“), внося и поддерживая этотъ запросъ. Я прошу Гос. Думу принять спѣшность запроса и самый запросъ“. (Аплодисменты въ центрѣ).

В. Н. Львовъ сказалъ слѣдующее: „что это за странная личность Григорій Распутинъ, который изъять изъ-подъ вѣдѣній обыкновенныхъ законовъ о печати и поставленъ на странный

В. А. Мичурина, заслуженная артистка Императорскихъ театровъ. (По поводу 25-лѣтія артистической дѣятельности).

педесталь недосягаемости и недоступности? Цѣль нашего запроса—низвергнуть эту личность съ ея педестала на обыкновенную житейскую прозу. Пусть печати будетъ предоставлено то естественное право, которое предоставлено всякой печати: судить объ извѣстной личности. Если эту правду раскроетъ печать, тѣмъ лучше. Если что-нибудь будетъ въ печати преувеличено, то на это есть судъ. Одно изъ двухъ: или печать раскроетъ правду, или печать привлекутъ за клевету къ суду. Но затыкать ротъ печати—единственной возможности въ этомъ странномъ, темномъ дѣлѣ раскрыть правду,—по-моему, недостойно страны, и поэтому я надѣюсь, что вы примете и спѣшность и самый запросъ". (*Аплогдисменты въ центр*).

Противъ спѣшности запроса никто не выразилъ желанія говорить, и предѣдатель объявилъ пренія законченными. Большинствомъ всей Гос. Думы, за исключеніемъ одного барона Черкасова, голосовавшаго противъ, Гос. Дума признала запросъ спѣшнымъ и тотчасъ же постановила приступить къ разсмотрѣнію его. Желающихъ говорить по запросу не оказалось, и Гос. Дума единогласно приняла запросъ.

Ю. Н. Милютинъ.

(Портр. на этой стр.).

Союзъ 17 октября потерялъ одного изъ виднѣйшихъ своихъ дѣятелей—Юрія Николаевича Милютину, скончавшагося отъ приступа сердечной болѣзни 8 января с. г. въ Петербургѣ.

Покойный принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, у которыхъ все дѣла и поступки проникнуты яркой и опредѣленной идейностью. Эти люди являются въ обществѣ своихъ единомышленниковъ какъ бы знаменосцами, и рыцарское ихъ служеніе своему знамени всегда налагаетъ особое благородство и идеализмъ на весь ихъ обликъ. Такимъ знаменосцемъ былъ и покойный Ю. Н. Милютинъ. Его считаютъ однимъ изъ главныхъ основателей той политической партіи, которая поставила на своемъ знамени дату введенія у насъ новаго государственнаго режима.

Юрій Николаевичъ Милютинъ родился въ Москвѣ въ 1859 году. Онъ принадлежитъ къ семьѣ, которая дала Россіи замѣчательныхъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей. Его отецъ, Н. А. Милютинъ—этотъ „честный кузнецъ-гражданинъ“, по словамъ Некрасова, ковавшій народное благо въ Россіи,—былъ знаменитымъ участникомъ реформы освобожденія крестьянъ. Его дядя—гр. Д. А. Милютинъ, недавно скончавшійся въ Крыму,—извѣстенъ всей Россіи, какъ талантливѣйшій и дѣятельнѣйшій сотрудникъ императора Александра II. Это родство отразилось на Ю. Н. Милютинѣ. Въ немъ сказались то идейное благородство и то стремленіе работать на общественномъ поприщѣ, которое въ высокой степени было свойственно его знаменитымъ отцу и дядѣ. Это стремленіе руководило дѣлами и намѣреніями Ю. Н. Милютину всю его жизнь.

Образованіе покойный Ю. Н. Милютинъ получилъ въ Московскомъ Катковскомъ лицѣ. Когда вспыхнула русско-турецкая война, онъ поступилъ вольноопредѣляющимся въ армію и участвовалъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ. Подъ Горнымъ Дубнякомъ ему удалось съ горстью храбрецовъ выбить турецкій отрядъ съ неприступной позиціи. За этотъ подвигъ онъ былъ удостоенъ георгиевскаго креста.

По окончаніи войны, вернувшись въ Россію, Ю. Н. Милютинъ поступилъ въ Петербургскій университетъ и блестяще закончилъ свое образованіе, прерванное его воинскими подвигами. Позднѣе онъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при извѣстномъ строителѣ Закаспійской желѣзной дороги, генералѣ Анненковѣ. Затѣмъ онъ редактировалъ въ Тифлисѣ газету „Кавказъ“ и придавалъ этому провинціальному органу печати литературность и вліятельность.

Бурный и чреватый событіями 1905 годъ вызвалъ Ю. Н. Милютину на арену политической жизни. Онъ одинъ изъ первыхъ подписалъ извѣстное воззваніе возникшаго тогда Союза 17 октября и вступилъ въ дѣятельнѣйшіе члены этой политической партіи. Дѣя-

тельность его въ Союзѣ продолжалась до послѣднихъ дней его жизни. Покойный Ю. Н. Милютинъ состоялъ членомъ комитета и предѣдателемъ петербургскаго совѣта Союза.

Благородство духа и чистая, озаренная идейностью, жизнь и дѣятельность покойнаго создали ему много друзей и единомышленниковъ, и его внезапная кончина была встрѣчена глубокой скорбью со стороны всѣхъ, кто зналъ Ю. Н. Милютину.

Къ рисункамъ.

Картина М. Панина „Выездъ Грознаго“ переноситъ насъ въ мрачную эпоху опричины. Въ 1564 году въ Москвѣ происходило большое смятеніе: царь Іоаннъ Васильевичъ тайно уѣхалъ 3 декабря изъ Москвы невѣдомо куда. Народъ и бояре волновались, не зная, что будетъ дальше, и что замыслилъ грозный царь. Лишь спустя довольно продолжительное время выяснилось, что царь находится въ Александровской Слободѣ и что удалился онъ туда, опасаясь измѣны. Такъ гласила грамота самого царя, посланная имъ изъ Слободы жителямъ Москвы. Послѣ усиленныхъ ходатайствъ Грозный рѣшился вернуться въ Москву, но выговорилъ для себя, чтобы ему „волью было казнить измѣнниковъ и налагать опалу безъ доуки и печалованія отъ духовенства, и чтобы ему волью было учредить опричину“. Поставивъ эти условія, Грозный торжественно вернулся въ началѣ февраля 1565 года въ Москву. И съ этого времени начался ужаснѣйшій періодъ его царствованія: была учреждена опричина.

Картина молодого художника М. Панина изображаетъ тайный выездъ Грознаго изъ Москвы предъ опричиной.

Картина французскаго художника А. Ришмонда „Сестра Розалія въ народномъ кварталѣ Парижа, послѣ эпидеміи 1832 года“,—изображаетъ знаменитую въ жизни Парижа личность—монахиню Жанну-Марію Рандю, болѣе извѣстную подъ именемъ сестры Розаліи.

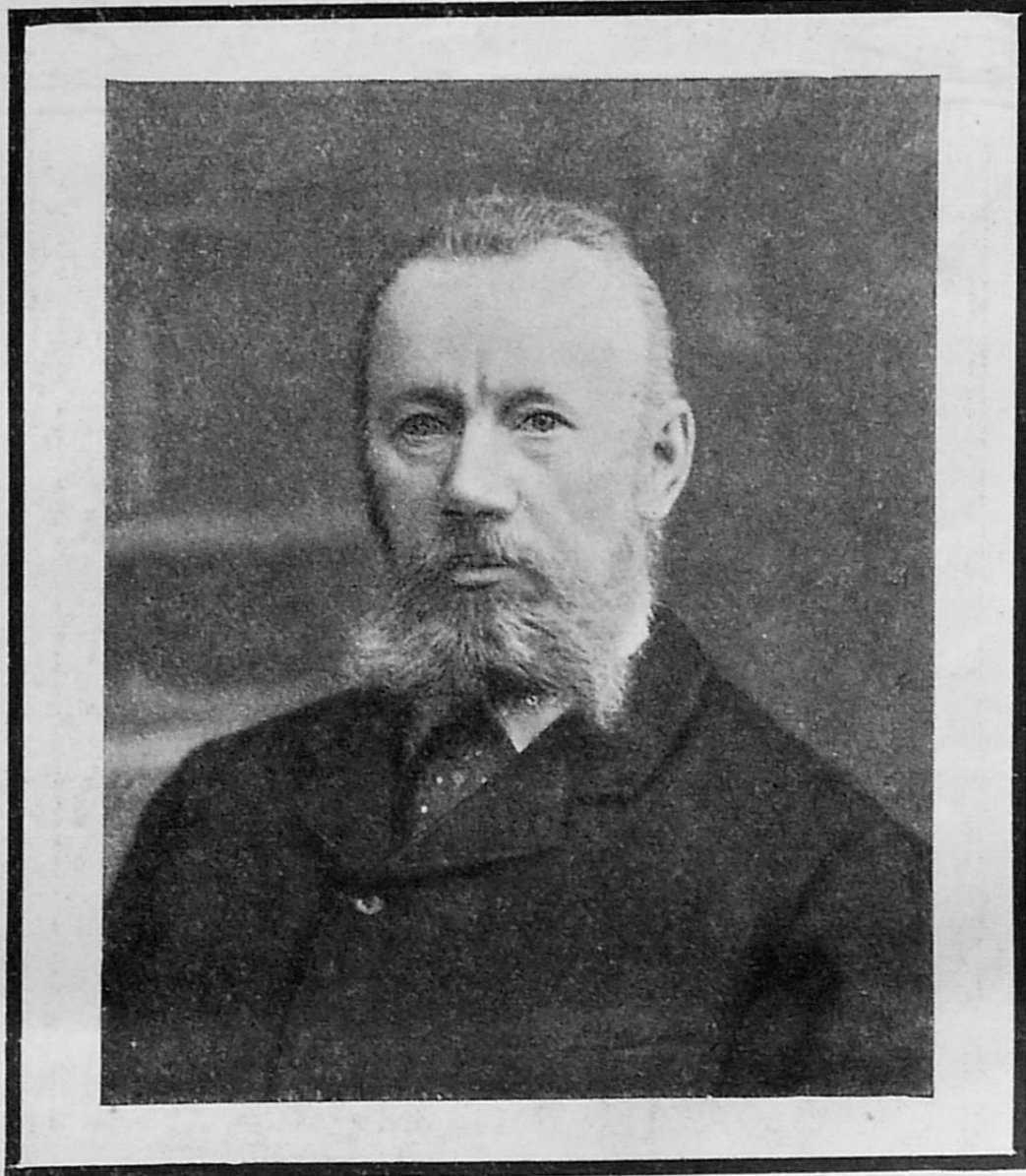
Жанна-Марія Рандю состояла въ общинѣ С.-Венсенъ-де-Поль. Въ теченіе полулѣтка она благотворила и помогала бѣднякамъ въ одномъ

изъ бѣднѣйшихъ народныхъ кварталовъ Парижа, въ кварталѣ Сенъ-Марсель. Задачей сестры Розаліи было не только благотворить бѣднякамъ, но и поднимать нравственность и образованіе бѣднаго парижскаго населенія, сильно опустившагося и развратившагося послѣ революціи и террора. Она учреждала школы, убѣжища для стариковъ, ясли для маленькихъ дѣтей, основала патронатъ надъ молодыми дѣвушками-работницами и т. д. Во время холеры 1832 года сестра Розалія проявила чудеса терпѣнія и героизма, ухаживая за больными. Во время голодовки 1847 года она ухитрилась на небольшія личныя и собранныя путемъ милосердія суммы кормить множество голодающихъ. Дѣятельность сестры Розаліи вызвала величайшія симпатіи къ ней не только со стороны населенія, но и со стороны лицъ, власть имущихъ. Въ 1854 году ее навѣститъ императоръ Наполеонъ III съ императрицей Евгеніей.

Картина французскаго художника изображаетъ одинъ изъ уличныхъ эпизодовъ во время холерной эпидеміи 1832 года, когда сестра Розалія стала особенно популярна въ Парижѣ.

„Вечеръ полочки“—вечеръ страданій для женъ рабочихъ. Полученныя деньги, такъ необходимыя для хозяйства, беззаботно пропиваются въ кабакахъ, и тщетно бродятъ несчастныя женщины кругомъ этихъ вертеповъ, подкарауливая скрывающихся тамъ съ полученнымъ заработкомъ мужей. Отъ картины Н. Сикара вѣетъ настоящимъ и глубокимъ драматизмомъ.

Картины И. Горюшкина-Сорокопудова „Былое“ и „Зимняя ночь“ воспроизводятъ передъ нами давно минувшую старину. Свообразны старинныя постройки, величавыя фигуры бояръ и холоповъ въ тяжелыхъ охабняхъ и шубахъ встаютъ передъ нами, какъ видѣнія многолѣтняго прошлаго. И на всемъ этомъ лежитъ мрачный колоритъ зимы и ночи...

Ю. Н. Милютинъ, извѣстный политическій дѣятель (1859—1912).

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Золотая паутина. Повѣсть В. А. Тихонова (Окончаніе).—Сумеречные аккорды. Стихотвореніе П. Гольденова.—Финскія-словенскія условія.—Фельдмаршалъ графъ Д. А. Милютинъ.—В. А. Мичуринъ.—Къ пріѣзду короля Николая Черногорскаго. (Политическое обозрѣніе).—Гос. Дума, какъ охранительница свободы печати (Вопросы внутренней жизни).—Ю. Н. Милютинъ.—Къ рисункамъ.—Объявленія.
РИСУНКИ: Выездъ Грознаго.—Сестра Розалія въ народномъ кварталѣ Парижа, послѣ эпидеміи 1832 г.—Вечеръ полочки.—Былое.—Зимняя ночь.—Культура живыхъ тканей въ организмѣ при искусственныхъ условіяхъ (5 рисунковъ).—Какъ путешествуютъ въ Персію (10 рисунковъ).—Фельдмаршалъ графъ Д. А. Милютинъ.—Наслѣдникъ болгарскаго престола Царевичъ Борисъ.—В. А. Мичуринъ.—Ю. Н. Милютинъ.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій „А. А. Фета.“ кн. I.